

Доцент А. В. ДОЗОРЦЕВ

ИМУЩЕСТВЕННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ЗА УЩЕРБ, ПРИЧИНЕННЫЙ ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ

ГЛАВА I

Юридическая природа имущественной (материальной) ответственности военнослужащих за ущерб, причиненный войсковой частью

Выяснение юридической природы имущественной ответственности военнослужащего за ущерб, причиненный им войсковой частью, представляет теоретический и практический интерес.

В плане теоретическом выяснение связано с раскрытием правового статуса войсковой части в качестве хозяйствующего субъекта, с одной стороны, и правового положения военнослужащего как субъекта имущественных прав и обязанностей в военнослужебном правоотношении—с другой.

С точки зрения практической выяснение поставленного вопроса определяет систему правового регулирования указанной ответственности и методов ее регулирования.

Сложность вопроса заключается в том, что войсковая часть¹ (в широком смысле), а также военнослужащий в военнослужебном отношении привычно выступают в качестве субъектов административного (военно-административного) правоотношения.

Рассматриваемое в настоящей работе отношение имеет имущественное содержание. Имущественные отношения в основном составляют сферу гражданско-правового регулирования. Имущественная ответственность — типичный метод принудительного восстановления нарушенного права в гражданском правоотношении. Однако административное

¹ Под войсковой частью мы понимаем здесь и в дальнейшем также военные учреждения и военно-учебные заведения.

правоотношение также может иметь имущественное содержание, кроме того, санкцией и в административном правоотношении может быть имущественное взыскание.

Какова же юридическая природа имущественной ответственности военнослужащего за ущерб, причиненный им войсковой частью? Является ли эта ответственность гражданско-правовой или административно-правовой (военно-административной). Сохраняются ли в этом правоотношении, осложненном имущественным содержанием, обычные для военнослужебного правоотношения черты военно-административного права или имущественная сторона отношения видоизменяет его характер.

Ответ на поставленный вопрос может быть дан только после выяснения положения войсковой части как субъекта имущественных правоотношений и на основе характеристики военнослужащего как обязанного лица-должника войсковой части. Последняя тема—в основном тема настоящей работы, первую же тему мы рассмотрим в той мере, в какой это необходимо для решения интересующей нас проблемы.

К сожалению, до сих пор ни общая, ни специальная (военно-юридическая) литература не останавливалась на исследовании правового положения войсковой части как носителя имущественных прав и обязанностей.

Мы здесь не ставим себе задачи восполнить этот пробел—это откликну бы от темы данной работы, но мы не можем и обойти вопроса ввиду прямого и непосредственного значения его для анализируемого нами правоотношения.

I

Остановимся в схематичном изложении на некоторых положениях, составляющих грани деятельности войсковой части как хозяйствующего субъекта.

С деятельностью войска неразрывна хозяйственная организация обслуживания его.

Хозяйственная деятельность — неотъемлемая функция войсковой части; ее место в системе управления войсковой частью определено Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Союза ССР. Эта деятельность подсобила, обслуживающая. Целенаправленность ее—обеспечение материальной базы боевой, мобилизационной и политической подготовки части, снабжение ее вооружением и техникой, а равно удовлетворение довольствием и обслуживание бытовых нужд и культурных потребностей личного состава войсковой части.

В условиях войны материальное обеспечение войска приобретает исключительное значение, является частью военно-оперативной деятельности. Приказ от 1 мая 1943 г. Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Советского

Союза товарища Сталина требовал: «...твердо помнить, что от полного и своевременного снабжения войск боеприпасами, снаряжением, продовольствием зависит исход боевых операций»¹.

Товарищ Сталин отметил особо роль материального фактора как одного из важнейших элементов в организации победы над врагом: «чтобы принять удар такого врага, дать ему отпор, а потом нанести ему полное поражение, для этого необходимо было, — говорил товарищ Сталин, — иметь, кроме беспримерной храбрости наших войск, вполне современное вооружение и притом в достаточном количестве и хорошо поставленное снабжение — тоже в достаточных размерах»².

Значение обеспечения и снабжения Вооруженных Сил Союза ССР подчеркивает и приказ товарища Сталина от 25 августа 1946 г. в связи с пятилетней годовщиной организации тыла Советской Армии.

Обеспечение войск боевой техникой, снаряжением, вещевым довольствием, продовольствием и т. п. — задача в большой степени военно-хозяйственного порядка, выполняемая как специальная функция войсковой части в органической связи с основной деятельностью войска.

Отсюда особенности организации и осуществления этой военно-хозяйственной функции.

Централизация, присущая по природе своей военному управлению, выражается в области военно-хозяйственных отношений не только в централизованной регламентации и регулировании этих отношений, но также и в значительной централизации непосредственной оперативно-хозяйственной работы. Заготовки, предоставление предметов снабжения и снаряжения, оказание услуг войсковым частям и т. д. в большом объеме осуществляются за счет централизованных смет в натуральном виде и исчислении³.

Такой порядок заготовок, снабжения, оказания услуг в одних случаях обусловлен специфическими потребностями военного характера, в других — целесообразностью: условиями производства, техникой поставок, дефицитностью продукции и др.

Общий принцип строгой централизации военного управления благоприятствует расширению применения этого принципа в системе военно-хозяйственной организации.

Структуре централизованных имущественных отношений соответствует административно-правовое (военно-административное) их регулирование на основе подчиненности.

Административно-правовой акт характеризует также использование материальных ресурсов внутри войсковой части: это компетентное распоряжение уполномоченного лица, изданное в согласии с действующими регламентами (нормами).

Вместе с тем войсковой части в известных пределах, согласно планам хозяйственных заданий, может быть предоставлена оперативная самостоятельность в хозяйственной деятельности, установлении и регулировании хозяйственных взаимоотношений с организациями, а также отдельными лицами.

Существо, объем и пределы этой самостоятельности устанавливаются не каким-либо общим «Положением», очерчивающим круг плановой самостоятельной деятельности (специальной право-и дееспособности), а конкретизируются в определенных операциях, предписанных плановым заданием (финансовой сметой, специальными ассигнованиями).

Разумеется, мы здесь не имеем в виду органы военного ведомства, состоящие на хозрасчете (орсы, предприятия и т. д.), действующие на общих основаниях, предусмотренных для государственных хозяйственных организаций — юридических лиц.

Плановое задание в хозяйственной деятельности войсковой части определяет ее специальную правоспособность, характеризует объем ее хозяйственно-оперативной самостоятельности в соответствии с финансово-сметными и специальными ассигнованиями целевого назначения, а также планами использования иных имеющихся в распоряжении части средств.

На этой основе имущественные взаимоотношения войсковой части имеют эквивалентно-денежную форму, а в значительной области отношений осуществляются в договорном — хозрасчетном — порядке (в том числе между военными учреждениями, например по капитальному строительству).

Так, например, «Положение о финансовом хозяйстве воинской части Красной Армии»⁴ устанавливает: «Воинские части заключают договоры и соглашения на поставки и услуги, предусмотренные хозяйственным планом и финансовой сметой, и при наличии на это средств, руководствуясь установленными ценами» (ст. 137).

В этом смысле некоторые акты (то же «Положение» и др.) развернуто определяют взаимоотношения войсковой части с ее поставщиками и другими контрагентами, а также

⁴ Утверждено приказом НКО, 1940, № 415.

¹ И. В. Сталин, О Великой Отечественной войне, 1944, стр. 94.
² И. В. Сталин, Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москва 9 февраля 1946 г.
³ Положение о финансовом хозяйстве кораблей, частей и учреждений РК ВМФ, утвержденное приказом НКВМФ 1939 г. № 140.

соответствующую организацию расчетных отношений между различными звеньями системы военного управления и с организациями гражданских ведомств.

В качестве субъекта имущественных отношений, осуществляемых на основе самостоятельности в эквивалентно-денежной форме, войсковая часть обладает правосубъектностью по общим началам, свойственным другим советским бюджетным учреждениям.

Так, «Положение о финансовом хозяйстве кораблей, частей и учреждений ВМФ» устанавливало: «являясь бюджетными организациями, части в своей финансово-хозяйственной деятельности руководствуются общими для всех бюджетных учреждений и организаций СССР (курсив наш. — А. Д.) законами и распоряжениями правительственных органов СССР...» (ст. 2).

То же начало выражено в «Положении о финансовом хозяйстве Красной Армии». Следовательно, это начало является общим и определяющим содержание гражданской правоспособности частей и учреждений военного ведомства, находящихся на государственном бюджете.

Наряду с этим в военном ведомстве создаются и действуют (в соответствующих для хозяйственной деятельности формах) организации и предприятия, в целом хозяйственные, в том числе при войсковых частях (как подобные хозяйства, мастерские и др.)¹.

Таким образом в определенной области отношений войсковая часть во исполнение военно-хозяйственных плановых заданий выступает как самостоятельный субъект имущественных правоотношений.

Эти отношения являются гражданско-правовыми (см. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 27 сентября 1926 г. «О хозяйственных операциях учреждений, состоящих на государственном бюджете»)².

Действительно, их регулирование подпадает под действие гражданско-правовых норм, и защита правомочий, вытекающих из соответствующих правоотношений, реализуется способом, преимущественно присущим защите гражданских прав, т. е. в исковом порядке (судебном, арбитражном)³.

¹ См. приказ заместителя Наркома Оборона СССР 1944 г. № 213; «Положение о подсобных хозяйствах войсковых частей и учреждений Красной Армии», утвержденное приказом НКО 1940 г. № 399 и др.

² СУ 1926 г. № 64, ст. 499.

³ Отсутствие в нашей военно-правовой литературе дифференциации правоотношений органов военного управления в связи с хозяйственной их деятельностью привело к неоправданному включению и круг военно-административных правоотношений всех отношений, возникающих в процессе деятельности органов военного управления, которое мы на-

Два момента отличают имущественные отношения, в которых войсковая часть участвует как субъект гражданского права:

1) оперативная самостоятельность в выполнении хозяйственно-плановых заданий в соответствии со специальной правоспособностью, определяемой плановыми актами, и

2) эквивалентно-денежная форма имущественных отношений¹.

II

Обязанность возместить войсковой части причиненный ей имущественный ущерб является имущественной обязанностью. Эта обязанность, совершенно очевидно, не может быть исключена в структуру централизованно-организуемой деятельности войсковой части по самому происхождению и существу своему. Обязательственное отношение, возникающее в связи с причинением ущерба войсковой части действиями третьих лиц, относится к сфере тех правоотношений, которые имеют эквивалентно-денежное выражение и являются результатом деятельности, непосредственно организуемой войсковой частью.

Имущественное по содержанию, денежное по форме, самостоятельное по возникновению и осуществлению прав и

ходом в учебнике «Военно-административное право» (стр. 8 и след.). Между тем, определенная область имущественных правоотношений в сфере военного (военно-хозяйственного) управления, освещенная в предшествующем положении, несомненно является гражданско-правовой.

¹ Здесь линия разграничения гражданско-правового и административно-правового отношений не совпадает с линией, намеченной в нашей правдоуказательской литературе (см. учебник «Гражданское право» для вузов, 1944 г., т. 1, стр. 11).

Имущественное содержание недостаточно для определения гражданско-правового характера отношения, участниками которого являются войсковые части.

Во всех случаях, когда оперативные имущественные отношения между войсковыми частями осуществляются согласно административно-распорядительному акту не на основе самостоятельной оперативной деятельности, соответствующие правоотношения представляют несомненно область административно-правового регулирования.

Следовательно, характерным в гражданско-правовом отношении, участником которого является войсковая часть (войсковые части), будет не только имущественное содержание его, но в единстве, неразрывной связи с ним метод осуществления деятельности на основе планово-оперативной самостоятельности, имеющей юридическое выражение в инициативе сторон и правоотношении. При всей специфичности хозяйственных отношений войсковой части отмечаемое обстоятельство, как нам кажется, заслуживает внимания с точки зрения более широкого выливания отношений гражданско-правовых и административно-правовых, а также определения признаков их разграничения. Ввиду единства принципов регулирования в советском праве хозяйственной деятельности в целом, изложенное положение отражает не только особые черты рассматриваемого правоотношения, но и признаки общие, отличающие всякое гражданское правоотношение.

обязанностей, это правоотношение обладает, согласно изложенному выше, признаками гражданско-правового отношения.

Это положение является бесспорным в применении к отношению, возникающему при причинении ущерба войсковой части любым лицом. Но оно требует проверки в случае причинения материального ущерба военнослужащим войсковой части ввиду усложнения возникшего правоотношения обязательствами, сопряженными с несением военной службы.

Чтобы разобраться в этом вопросе, рассмотрим отношение между военнослужащим и войсковой частью по возмещению ущерба в сопоставлении с типичным военнослужебным отношением, в котором состоит военнослужащий.

Совпадают ли эти правоотношения, а если нет, то в чем и какого рода отличие между ними, а также каковы последствия различия.

Оба вида правоотношений, в которых военнослужащий выступает в качестве правообязанного субъекта, объединяет то, что они возникают из военнослужебной обязанности. Их отличие — в содержании.

Военнослужебное правоотношение в типичном его проявлении — не имущественное¹.

Правоотношение, возникшее вследствие причинения ущерба, имеет имущественное содержание.

Отсюда несовпадение субъектов правоотношения в специфичном военнослужебном отношении и в том, которое возникает из обязанности компенсировать нанесенный вред.

Первое из них характеризуется властеотношением, в котором управомоченный субъект — начальник. Второе — имущественное отношение, в котором управомоченным субъектом является *войсковая часть*, понесшая ущерб, как хозяйствующий субъект.

Военнослужащий находится в военно-административном подчинении по отношению к начальнику. Войсковая же часть по отношению к военнослужащему — причинителю вреда — выступает в качестве взыскателя, в роли хозяйствующего субъекта, субъекта гражданско-правового отношения.

Последнее утверждение находит прямое подтверждение, например, в самом порядке взыскания ущерба с военнослужащего, причинившего этот ущерб уголовно-наказуемым деянием: взыскание производится по правилам гражданского иска.

Правда, можно, не оспаривая этого положения, возражать, что причинение ущерба действием (бездействием), представляющим дисциплинарный проступок (не уголовно-наказуемое деяние), создает иное правоотношение — административное (военно-административное).

¹ См. Учебник «Военно-административное право», стр. 11 — 13.

Но такое возражение было бы лишено какого-либо юридического основания, так как в обоих случаях совпадают субъекты правоотношения, идентичны содержание обязательства (возмещение убытка) и цель обязательства (охрана социалистической собственности), те же основания ответственности, как равно и условия наступления ее (все эти положения как общие для имущественной ответственности военнослужащего в целом будут подробно рассмотрены в последующем изложении). Административный же порядок взыскания ущерба сам по себе характеризует лишь способ защиты права в том или ином правоотношении, но не природу правоотношения.

Командир части отвечает не только за уровень боевой и политической подготовки личного состава, за дисциплину и политико-моральное состояние части, за выполнение боевых операций, но и за надлежащее осуществление хозяйственных функций.

Командование частью (в прямом, тесном смысле слова) и руководство (управление) хозяйством войсковой части — функции взаимосвязанные, что не устраняет различия в формах и методах осуществления каждой из них.

Деятельность войсковой части как хозяйствующего субъекта, осуществляемая по нормам гражданского права, определяет правовую организацию этой деятельности.

В этой деятельности командир осуществляет не лично ему принадлежащие полномочия, а полномочия хозяйствующего субъекта.

Хозяйственные полномочия командира части заключают иные элементы по сравнению с теми, которые отличают его власть в военнослужебном отношении.

В некотором отношении они придают иные черты также и взаимоотношениям командира и подчиненного, возникающим на почве выполнения тем и другим служебных обязанностей в области хозяйственной и финансовой деятельности войсковой части.

В самом деле, строгая субординация, беспрекословное повиновение нижестоящих вышестоящим, подчиненных начальнику — основа военнослужебного отношения. Это безусловное требование воспитательного характера, равно и военно-оперативного, не допускающее колебания в исполнении воинского приказа.

По Уставу внутренней службы, военнослужащий, получив приказание, отвечает: «слушаюсь», а в военно-морских силах: «есть», и затем выполняет его (ст. 18). Согласно Дисциплинарному уставу¹, «приказ начальника — закон для

¹ Здесь и в дальнейшем имеется в виду Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Союза ССР, 1946 г., если нет особой ссылки на отмененные Дисциплинарные уставы РККА и ВМФ СССР, 1940 г.

подчиненных. Приказ должен быть выполнен беспрекословно, точно и в срок» (ст. 6).

Военнослужащий же — начальник финансового органа войсковой части, поскольку речь идет об использовании и расходовании денежных средств, вправе (*и обязан*) обратить внимание командира на приказание его, противоречащее правилам расходования денежных средств. Начальник финансового отдела вправе потребовать письменного подтверждения приказа и выполнить его лишь по получении такого подтверждения, одновременно донося об этом начальнику довольствующего органа (ст. 25 «Положения о финансовом хозяйстве воинской части»). Норма эта вне финансово-хозяйственной деятельности войсковой части явно не соответствовала бы элементарным требованиям военнослужебной субординации. Вместе с тем она вполне идентична регулированию аналогичного отношения в любой советской организации (учреждении) гражданского ведомства¹.

Удержания и обжалование удержаний равно производится не в порядке, отличающем отношения субординации, согласно Дисциплинарному уставу, а на основании административного распоряжения, в порядке, аналогичном возмещению ущерба по законодательству о труде рабочих и служащих².

Аналогии можно было бы продолжить, но мы еще отметим лишь бесспорное право военнослужащего в суде при рассмотрении иска о возмещении ущерба представлять возражения по иску, в том числе ссылаться на неправильные действия или распоряжения начальника, когда это относится к выяснению обстановки и причин возникновения ущерба.

Во всех этих случаях расхождение с нормами военно-административного права (дисциплинарного правоотношения) и совпадение с гражданско-правовым регулированием имеет основание и объяснение в гражданско-правовом характере самого отношения, субъектом которого является войсковая часть как хозяйствующий субъект, а не командир части, лишь представляющий войсковую часть. Как орган хозяйствующего субъекта — войсковой части — командир части может доверить любому лицу из личного состава войсковой части и даже вольнонаемным работникам совершение тех или иных гражданско-правовых действий, в том числе и представительство в суде по иску к военнослужащему.

Гражданско-правовые черты имущественной ответственности перед войсковой частью за причиненный ей ущерб не

¹ Ст. 15 Постановления СНК СССР от 17/IX 1947 г. «О главных (старших) бухгалтерях государственных, кооперативных и общественных организаций и предприятий» (см. приказ МВС СССР, 1948 г. № 3).

² Ст. ст. 83-2 Кодекса законов о труде РСФСР (также КЗОТ других союзных республик) и другие акты.

изменяются от того, что обязанным субъектом является военнослужащий¹.

Было бы, однако, неверным упрощением считать, что для указанной выше ответственности военно-служебные отношения военнослужащего являются безразличными. Во-первых, обязательство военнослужащего перед войсковой частью вытекают из его воинской обязанности беречь социалистическую собственность и всемерно предупреждать ущерб имуществу войсковой части. Во-вторых, нельзя игнорировать тот факт, что войсковую часть как хозяйствующий субъект представляет командир, т. е. лицо, которому военно-служебные части подчинены в военно-служебном отношении.

Эти обстоятельства именно и создают сложность отношения, требующего особого регулирования и соответствующего анализа, иначе вопрос решался бы по общим нормам.

III

Имущественная ответственность военнослужащего как санкция находится в единстве с содержанием анализируемого правоотношения как гражданско-правового и методом его организации и регулирования.

Это санкция — *возмещение ущерба*, понесенного войсковой частью (государством), а не мера дисциплинарного взыскания или уголовного наказания, хотя, конечно, возмещение ущерба и не лишено дисциплинирующего значения. В этом признаке цивилистическая литература справедливо усматривает существенный момент, отличающий гражданско-правовую санкцию от административной, дисциплинарной и уголовной².

¹ Разграничение правоотношения, в котором стороной является командир (начальник), от правоотношения, где сторона — войсковая часть, а командир представляет войсковую часть, в качестве органа ее, имеет существенное значение.

Не выясни данного разграничения, легко в частности смешать обычные административные или гражданско-правовые отношения со смежными военно-административными правоотношениями.

Например, учебником военно-административного права усматривается «особая природа властоотношения» (хотя и не подчиненности) (курсив наш. — А. Д.) в отношении между военкоматом и женой погибшего на войне офицера в связи с назначением ей пенсии (стр. 5); жилищные правоотношения между офицером и ДОС рассматриваются, как военно-административно-правовые; отношения воинской части с организациями и гражданами трактуются как «приближающиеся» по своему характеру к правоотношениям, которые складываются в других областях государственного управления (стр. 10).

Между тем в этих правоотношениях, участниками которых являются военные учреждения, нет ничего, что по своей юридической природе отличало бы их от обычных административных или гражданско-правовых отношений.

² См. М. Агарков, Рецензия на работу Х. Шварца, Значение вины в обязательствах из причинного вреда, С. Г. и П., 1940, № 5-6, стр. 189; учебник «Гражданское право» 1944 г., т. 1, стр. 318.

Нет сомнения в том, что как положительное право, так и практика и имущественной ответственности военнослужащего за причиненный войсковой части убыток вводит его возмещение.

Мы находим подтверждение тому почти во всех относящихся к данному вопросу актах.

«Инструкция о взыскании за материальный ущерб с военнослужащих в административном порядке», утвержденная приказом МВС СССР 1948 г. № 24, предусматривает имущественную ответственность «в размере действительного ущерба, но не свыше...».

Дисциплинарные уставы 1940 г., выделявшие регулирование материальной ответственности военнослужащих, имели исходным положением ответственность «в объеме понесенного ущерба» (курсив наш. — А. Д.).

Инструкция НКВМФ, которая была специально посвящена вопросам указанной ответственности, прямо именовалась «Инструкция о порядке возмещения ущерба, причиненного государству военнослужащими...»¹. (курсив наш. — А. Д.).

Тот же смысл и соответствующую ему словесную формулировку находим мы и в других приказах и директивах органов военного ведомства, относящихся к регулированию имущественной ответственности военнослужащих.

Наконец, положения о списании невзысканных (недовзысканных) сумм в погашение понесенного убытка исходят из той же оценки этих сумм, как возмещаемого ущерба². Это, пожалуй, наиболее показательное, так как здесь абстрактное положение приобретает убедительную наглядность практики.

IV

Надо признать ошибочным предположение о том, что имущественная ответственность военнослужащих за причиненный ими ущерб войсковой части является дисциплинарной ответственностью.

Из этой предпосылки (не аргументируемой) исходят, повидному, авторы учебника «Советское военно-административное право», рассматривая вопрос о материальной ответственности военнослужащих в главе «Советская воинская дисциплина» (гл. 5)³.

¹ Утверждена приказом Наркомфлота СССР 1941 г. № 140 (отменена приказом МВС СССР 1948 г. № 24).

² См. Инструкцию о порядке списания недостающих денежных средств и ценных бумаг в войсковых частях и учреждениях Красной Армии, утвержденную приказом НКО СССР 1942 г. № 415.

³ Учебник «Советское военно-административное право», стр. 179—

Общая ссылка учебника на «ряд особенностей, отличающих ее от общегражданской материальной ответственности», правильна, но она не включает в себе доказательства обоснованности отнесения этого института к системе военно-административного регулирования.

Предположения авторов в этом отношении, основанные на распространенных, но не проверенных представлениях, не подтверждаются ни нормативным регулированием, ни соображениями теоретического порядка.

Предположения эти не имеют малейшей опоры в действующем праве. Больше того, они находятся в противоречии с положительным правом. Нельзя назвать ни одного акта, в котором прямо или косвенно был бы выражен дисциплинарный характер имущественной ответственности военнослужащих, но любой акт, относящийся к регулированию этой ответственности, подтверждает иной, не дисциплинарный характер ее.

Инструкция 1948 г. № 24 говорит о взыскании материального ущерба в административном порядке, а не о дисциплинарной ответственности за причинение вреда.

Дисциплинарный устав в числе дисциплинарных мер взыскания не указывает имущественной ответственности. Поскольку же перечень мер взыскания по Дисциплинарному уставу является исчерпывающим, имущественная ответственность не может считаться мерой дисциплинарной ответственности.

Отличны и правомочия начальника по взысканию ущерба по сравнению с правомочиями на дисциплинарное взыскание: при наличии оснований и условий для имущественной ответственности военнослужащего начальник не может освободить его от этой ответственности по своему усмотрению, он не может также уменьшить размер взыскания в возмещение ущерба против норм, установленных инструкцией 1948 г. № 24.

В имущественной ответственности военнослужащего, как возмещения ущерба, с полной отчетливостью выявляется гражданско-правовая природа ее. В данной цели имущественной ответственности (возмещения ущерба) заложен основной признак, исключаящий дисциплинарный характер этой ответственности, ибо цель дисциплинарного взыскания в первую очередь — наказание в связи с задачами общей и частной превенции.

Достаточно сослаться на это обстоятельство, чтобы признать несостоятельной точку зрения авторов учебника по вопросу о природе имущественной ответственности военнослужащих.

Можно думать, что ошибка авторов учебника коренится в неверном понимании порядка взыскания имущественного

ущерба, отождествляемого с порядком наложения дисциплинарного взыскания.

В том и другом случае фигурируют начальник и подчиненный; в обоих случаях взыскание связано с нарушением служебных обязанностей. Упускается только из виду различное правовое положение начальника и подчиненного в этих случаях.

Дисциплинарное взыскание начальник налагает в силу присвоенной ему личной власти как начальнику. Взыскание имущественного ущерба начальник производит в качестве органа хозяйствующего субъекта в административном порядке. Взыскание — акт административной, а не дисциплинарной власти.

Такого рода правомочие могут быть наделены и наделены, согласно особому указанию закона, и другие органы, представляющие одну из сторон в гражданском правоотношении: коммунальный орган взыскивает пеню при просрочке взносов квартирной платы, ломбард реализует предмет залога, если в срок не погашена ссуда, обеспеченная залогом, и др.

Административный порядок взыскания ущерба, причиненного военнослужащим, как увидим ниже, — лишь способ осуществления права на возмещение убытка.

Взыскание ущерба в административном порядке не исключает наложения дисциплинарного взыскания за служебный проступок, повлекший ущерб, на общих основаниях Дисциплинарного устава. Часто такое взыскание, фиксируя в порядке утверждения акта расследования (ст. 3 Инструкции 1948 г. № 24) вину военнослужащего в нанесении вреда, является одним из условий, определяющих имущественную ответственность за причиненный ущерб.

Обратимся к правовым основаниям имущественной ответственности военнослужащего, как гражданско-правовой ответственности.

Основания данной ответственности можно искать в невыполнении договорных обязательств или в обязательствах из причинения вреда (деликтных обязательствах).

Важно разграничение этих оснований ответственности и установление того, в силу какого из них — либо особого основания — войсковая часть вправе требовать от военнослужащего возмещения причиненного им ущерба. Как уже выяснено в советской литературе¹, разграничение оснований ответственности имеет существенное значение для установления условий и размера этой ответственности.

¹ См. Д. М. Генкин, В. И. Серебровский, Г. К. Москвиченко. Судебная практика по гражданским делам в период войны. Юрбюлет 1943, стр. 2—3. Учебник «Гражданское право» 1944 г., т. 1, стр. 374—375.

Более пристальный анализ рассматриваемой имущественной ответственности военнослужащего перед войсковой частью дает основание для вывода о том, что обязательства военнослужащего перед войсковой частью не укладываются в рамки ни договорной, ни деликтной ответственности.

Основанием обязанности военнослужащего возместить ущерб не служит невыполнение им каких-либо договорных обязательств, ибо правоотношения, в которых состоит военнослужащий с войсковой частью, не имеют под собою договорных оснований.

Этим основанием не является и деликт — противоправное действие или бездействие, повлекшее имущественный вред.

Момент возникновения деликтного обязательства совпадает с моментом противоправного причинения вреда. Это причинение вреда — юридический факт, обуславливающий возникновение обязательства. Причинение вреда одновременно — основание ответственности (деликтной). До этого, т. е. до момента причинения вреда, нет обязательственного отношения.

Между войсковой частью и военнослужащим существует правоотношение *до того*, как войсковая часть потерпела убыток от действия (или бездействия) военнослужащего. Это военнослужебное правоотношение.

Остается выяснить, возникает ли обязательство по возмещению ущерба военнослужащим из обязанности его в военнослужебном правоотношении, существующем до момента причинения ущерба, или из какой-либо другой обязанности.

Между обязательством возместить вред и военнослужебным правоотношением связь, очевидно, будет только тогда, когда мы установим, что бережное отношение к имуществу войсковой части, предотвращение ущерба этому имуществу является прямой обязанностью войсковой службы.

Так оно и есть.

Обязанность эта вытекает не из общего начала, сформулированного в Конституции СССР, как обязанность каждого гражданина беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность (ст. 131). Конституционный принцип находит развитие и уточнение в нормах отдельных отраслей права.

Принцип статьи 131 Конституции СССР имеет различное выражение применительно к различным нормам, направленным на охрану социалистической собственности, — гражданским, административным и уголовным.

Обязанность приобретает конкретное содержание в правоотношении, и соответственно нарушение ее порождает последствия, установленные в связи с определенным правоотношением. Военнослужебное отношение включает в себе

обязанность беречь социалистическую собственность. Она формулирована в Уставе внутренней службы, как воинский долг: «беречь свое оружие, военное и народное имущество» (ст. 2) и в Дисциплинарном уставе — как обязанность военнослужащего, возлагаемая на него воинской дисциплиной: «... всемерно беречь военное и народное имущество» (ст. 3).

Следовательно, это безусловная обязанность в военно-служебном правоотношении, притом — в силу закона. Эта обязанность скреплена военной присягой, приносимой каждым военнослужащим: «Всемерно беречь военное и народное имущество»¹.

С другой стороны, поскольку эта обязанность — необходимый элемент военнослужебного правоотношения (по закону), действие (или бездействие) военнослужащего, вызвавшее урон в имуществе войсковой части, есть нарушение обязанности в существующем между сторонами отношении.

Это обстоятельство резко отличает основание имущественной ответственности в военнослужебном правоотношении от основания ответственности деликтной и сближает ее с договорной ответственностью, от которой отличается только порядком установления ее (обязанность военнослужащего возникает в силу закона, а не по соглашению). Имущественная ответственность, вытекающая из неисполнения воинской обязанности беречь социалистическую собственность, как и договорная ответственность за убытки, равно имеют основанием нарушение установленной обязанности.

Полезно отметить в данной связи особенности соотношения в советском праве условий, устанавливаемых в гражданском правоотношении по соглашению сторон, и условий, определяемых обязательными для сторон актами.

В плано-регулируемом социалистическом хозяйстве договорными являются условия, не только непосредственно согласованные сторонами по договору, но включаемые в договор и регулирующие правоотношения сторон в силу обязательного для них акта компетентного органа. Нарушение этих условий, predeterminedных плановым актом, законом, обязательной для сторон директивой и т. п., создают последствия из нарушения договорного обязательства.

Воинская обязанность бережного отношения к воинскому имуществу может и должна быть отмечена, как особая обя-

¹ Можно бы отметить развитие этой обязанности в дисциплинарном уставе в направлении не только личного бережного отношения каждого военнослужащего к социалистической собственности, но и подвигания бдительности его в отношении других. Статья 105 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил СССР предписывает военнослужащему докладывать в определенном порядке об обнаруженных им хищениях или порче военного имущества, незаконного расходовании денежных средств или других иных злоупотреблениях.

занность (из закона), но нет повода противопоставлять последствия нарушения ее в гражданском правоотношении обязанности договорной.

ГЛАВА II

Основные черты имущественной ответственности военнослужащих за ущерб, причиненный ими войсковой части

Имущественная ответственность военнослужащего, возникающая на почве *военнослужебного правоотношения*, по своей природе является ответственностью *гражданско-правовой*. Ответственность эта обусловлена обязанностью, возлагаемой законом, и вместе с тем по своему характеру сближается с договорной ответственностью. В этом своеобразии данного вида имущественной ответственности, которое имеет развитие и в *типе* договорной ответственности, определяющем ее основные черты, принципы регулирования.

С областью отношений, регламентируемых гражданским правом как системой норм, определяющих правовое положение организаций и граждан, участников *имущественных* отношений советского общества, и норм, регулирующих эти отношения¹, соприкасаются, поскольку они имеют имущественное содержание, отношения из *трудового договора*, регулируемые трудовым правом.

Эти отношения являются гражданско-правовыми в том *широком смысле*, которым обнимаются отношения имущественные по своему содержанию (за исключением подпадающих под действие административно-правовых норм). В советском праве в трудовом правоотношении (как и в некоторых других, где имущественные элементы являются существенными, — в земельных, колхозных правоотношениях) имущественный аспект в правоотношении не исчерпывает содержания его. Трудовое правоотношение в полном объеме раскрывается как урегулированное правовой нормой отношение, связанное с процессом труда, применением труда.

Отличное по своему содержанию, трудовое правоотношение является предметом организации и регулирования самостоятельной отрасли советского права — трудового права. В единой системе советского права трудовое право имеет свои, присущие данной отрасли права, принципы регулирования отношения, в том числе имущественной стороны его. Эти принципы не всегда совпадают с регулированием имущественных отношений гражданским правом в тесном, прямом смысле.

¹ См. учебник «Гражданское право», 1944, стр. 10.

С этим связано различие в регулировании договорного отношения и договорной ответственности по нормам Гражданского кодекса и законодательства о труде рабочих и служащих. Наряду с совпадающими элементами этого регулирования, свойственными гражданско-правовому отношению в широком смысле, имеются и существенные принципиальные черты отличия.

Мы видели (гл. I), что имущественная ответственность военнослужащих за ущерб, причиненный ими государству, сближается с ответственностью договорной. Такая ответственность возможна как по ГК, так и по КЗОТ (по трудовому договору). При этом в обоих случаях в основном аналогичны общие для гражданско-правовой ответственности условия, при которых возникает имущественная ответственность. Однако ввиду наличия особых гарантий для рабочих и служащих в трудовом правоотношении в социалистическом обществе не совпадают принципиальные начала, регулирующие возмещение причиненного вреда по нормам ГК и нормам трудового законодательства.

Это выдвигает вопрос о том, к какому типу договорной ответственности — по ГК или КЗОТ — примыкает имущественная ответственность военнослужащих.

Ответ на него надо искать в действующем нормировании рассматриваемого правоотношения и практике применения этого нормирования. В нормативном акте мы находим те обобщающие элементы, которые характеризуют волю законодателя (органа, правомочного регулировать отношение) и заложенную в акте направленность его, а в практике — преобразование этой воли в правосознании.

Акт и его применение — в известной степени также показатель соотношения нормы и жизненных потребностей, соответствия нормы требованиям, продиктованным опытом (если применение нормы не есть просто нарушение ее).

Несогласованность в частности отдельных актов, расхождения между отдельными правилами не колеблют выводов из совокупности актов и правил, которые (выводы) можно обобщить как ведущие положения, руководящие идеи в регламентации определенного рода отношений. Более того, будучи сформулированными, эти выводы служат целям корректирования и устранения несогласованностей и расхождений в действующем нормировании отношений.

Это в полной мере относится и к выяснению основных черт анализируемой имущественной ответственности военнослужащих.

Обратимся к актам, регулирующим обязанность возмещения военнослужащим причиненного им убытка. Самое общее ознакомление с этими актами позволяет без труда различить три вида возмещения, устанавливаемые ими:

1. Возмещение ущерба с ограниченным размером взыскания: «...в размере действительного ущерба, но не свыше трехмесячного оклада содержания», а с солдат и матросов «...в размере не свыше месячного содержания»¹.

2. Возмещение ущерба в полном объеме причиненного убытка без указанного ограничения взыскания в случаях привлечения виновных в причинении ущерба лиц к уголовной ответственности.

3. В военное время возмещение ущерба по особым установленным правительством нормам, в так называемом «повышенном» размере против учетных цен (в кратном отношении к стоимости по учетным ценам или по рыночным ценам).

Таково взыскание ущерба, согласно приказам НКО 1943 г. № 254 и № 292².

Бесспорна здесь дифференциация размеров взыскания возмещаемого военнослужащим ущерба: в ограниченном, полном или «повышенном» размере.

Можно определить и общее условие наступления имущественной ответственности военнослужащих, а также признаки, по которым дифференцируется взыскание возмещаемого вреда.

Общее условие — это вина военнослужащего: дисциплинарная, рассматриваемая по правилам Дисциплинарного устава, и уголовная, устанавливаемая уголовным судом, в судебном порядке. В этом смысле надо понимать ст. 1 и ст. 6 Инструкции 1948 г. № 24.

Дифференциация находится в определенном соотношении со степенью вины и одновременно с объективным значением и характером ущерба. Так, ограничение взыскания устанавливается при ущербе, причиненном противоправным действием, не влекущим предания суду военного трибунала (ст. 1 Инструкции 1948 г. № 24), полная ответственность — в судебном порядке, при уголовной вине (ст. 6 названной инструкции), «повышенная» — при особо социально-опасном правонарушении, каковым является растрата, хищение и недостача имущества.

Отличительной чертой этой ответственности является и то, что вина военнослужащего не презюмируется (кроме случаев недостачи). Возложению ответственности предшествует установление вины военнослужащего в причинении ущерба. Это следует из правил, на которые мы ссылались, и вытекает из дифференциации размеров имущественного взыскания, требующей не только установления вины, но и степени ее (дисциплинарная, уголовная).

¹ Инструкции о взыскании за материальный ущерб с военнослужащих в административном порядке, утвержденная приказом МВС Союза ССР 1948 г., № 24.

² Отменены приказом МВС СССР 1948 г. № 7 в связи с постановлением Совета Министров СССР от 10. II 1948 г. № 248.

Положительное право не предусматривает дифференциации договорной и деликтной ответственности по Гражданскому кодексу, в зависимости от степени вины лица, причинившего убыток. Теория отрицает такую дифференциацию, как не соответствующую природе гражданско-правовой ответственности.

Статья 410 ГК и статья 117 ГК вполне категоричны в утверждении обязанности восстановления причинившим ущерб прежнего положения (ст. 410 ГК) и возмещения убытка, причиненного неисполнением обязательства (ст. 117 ГК).

Допускаемое статьей 411 ГК уменьшение размера вознаграждения за вред исходит из имущественного положения сторон, а не из степени вины и, разумеется, не может рассматриваться как форма дифференцирования возмещаемого ущерба.

Сделанное в нашей литературе¹ предложение об установлении в обязательствах из причинения вреда имущественной ответственности соразмерно со степенью вины не встретило поддержки ни в литературе, ни в практике.

В попытке опереться на судебную практику автор предложения допустил явную ошибку, не заметив, что он использует судебную практику, относящуюся к договорно-трудовым правоотношениям, как практику, будто бы иллюстрирующую гражданско-правовую деликтную ответственность.

Относительно принципиального обоснования этого предложения основательно было указано проф. М. М. Агарковым, что «цель гражданской ответственности не будет достигнута, если размер возмещения окажется в зависимости от степени вины. Такая зависимость означала бы пылесосение обязательств из причинения вреда системой штрафов, взыскиваемых с потерпевшего»².

Нет нормы в положительном праве и нет в теории предложений о дифференциации возмещаемого убытка при договорной ответственности соответственно степени вины несправившей стороны. Самое допущение подобной возможности подрывало бы значение договора и устойчивость хозяйственного оборота в целом.

Таким образом, определяющие начала имущественной ответственности военнослужащих не совпадают ни с договорной, ни с деликтной ответственностью по гражданскому праву, но они совершенно идентичны и полностью совпадают с началами имущественной ответственности работника по трудовому договору.

¹ Х. Шварц, Значение вины в обязательствах из причинения вреда, 1940.

² М. М. Агарков, Рецензия на работу Х. Шварца (С. Г. и П. 1940, № 5—6, ст. 189).

Этот вывод, основанный на действующем правовом нормировании, дает ответ на вопрос, к какому типу договорной ответственности (по ГК или КЗОТ) примыкает возмещение ущерба военнослужащим войсковой части. Очевидно, что эта ответственность того же типа, что и ответственность по договору в трудовом правоотношении. В данном выводе имеет подтверждение ранее сделанный анализ природы имущественных отношений по возмещению ущерба между войсковой частью и военнослужащим (см. гл. I), как отношений гражданско-правовых (в широком смысле).

То обстоятельство, что имущественная ответственность военнослужащих следует принципам ответственности по трудовому договору, — не случайность, а коренится в совпадающих политико-правных началах регулирования имущественной ответственности в обоих случаях.

Ограничения в возмещении ущерба, причиненного работником по трудовому договору, продиктованы заботой социалистического государства о трудящемся, о сохранении уровня жизни его, соответствующего трудовому доходу работника, как правило, исчерпываемому заработной платой. Имущественная ответственность служит целям возмещения ущерба. Вместе с тем дифференциация взыскания в возмещении ущерба является эффективным дисциплинирующим фактором, поскольку размеры взыскания ставятся в связь с субъективной и объективной сторонами причинения вреда. В силу разделения труда на военнослужащем лежит несение воинской службы. Это государственная служба в определенной отрасли государственного управления советской страны — обеспечения безопасности государственных границ ее, защиты родины — и поэтому особо почетная служба: «Воинская служба в Вооруженных Силах представляет почетную обязанность граждан СССР» (ст. 132 Конституция СССР).

Из общественного продукта, производимого в социалистическом обществе, военнослужащий получает по общему принципу вознаграждение по количеству и качеству труда — в форме денежного и других видов довольствия. И это единственный источник его дохода так же, как заработная плата для рабочего и служащего.

От устойчивого поступления этого дохода зависит уровень жизни военнослужащего, поддержание которого требуют, помимо общих соображений, также специфические условия военного быта.

Военнослужащий в составе Вооруженных Сил Союза ССР — трудящийся. В имущественной ответственности военнослужащего, соразмерной степени вины, одинаково, как и в имущественной ответственности работника по трудовому договору и по тем же основаниям, сочетаются способы возмещения ущерба социалистической собственности и стимулы

к предупреждению ущерба с гарантиями сохранения жизненного уровня трудящегося.

Близость оснований имущественной ответственности военнослужащих к договорной ответственности и совпадение принципов этой ответственности с началами ответственности работника по трудовому договору за причиненный им ущерб убедительно ориентируют на регулирование отношений по возмещению ущерба государству военнослужащими применительно к началам, выраженным в КЗОТ (и изданных в его развитие актов). При пробеле в данном регулировании, мы полагаем, допустимо в полном соответствии с духом и политикой советского государства обращение по аналогии к нормам трудового права, разумеется, где это требуется, с коррективами, отвечающими условиям военнослужащего отношения.

ГЛАВА III

Условия имущественной ответственности военнослужащих за ущерб, причиненный ими войсковой части

Условия, при которых наступает обязанность военнослужащего возместить ущерб, причиненный им войсковой части, коренятся в гражданско-правовой природе этой обязанности и связи ее с принципиальными началами имущественной ответственности работника по трудовому договору.

По признаку гражданской ответственности этими условиями являются: 1) причинение имущественного ущерба (убытка), 2) противоправным действием (неисполнением обязанности), 3) умышленно или неосторожно (по вине), 4) при наличии причинной связи между ущербом и неправомерным действием (бездействием).

Наличие всех этих условий в совокупности — необходимая и обязательная предпосылка имущественной ответственности военнослужащего. Отсутствие одного (любого) из них, разрывая связь между данными условиями, устраняет ответственность.

По признаку видовому — началам, аналогичным ответственности по КЗОТ: а) вина не презюмируется (должна быть доказана, за исключением случаев недостачи вверенного имущества); б) исполнение обязанностей предполагает совершение действий, вытекающих из круга служебных функций, независимо от того, предписаны они конкретными правилами или нет; в) размер взыскания в возмещение ущерба дифферен-

цируется соразмерно степени вины, с учетом значения и характера ущерба¹.

I

Неисполнение обязанности — это несовершенное или ненадлежащее совершение военнослужащим действий, которые должен совершить, или совершение действий, которые не должен был совершать, от совершения которых он должен воздержаться.

Применительно к воинской обязанности «всемерно беречь военное и народное имущество» — это действие (воздержание от действия), которое может быть предписано: правилами, относящимися специально к военному имуществу; общими правилами обеспечения сохранности или предупреждения вреда имуществу госоргана, воспроизведенными актами военного ведомства; общеобязательными (в том числе для органов военного ведомства) правилами того же рода, независимо от того, воспроизведены они или нет актами военного ведомства (как правила вождения автомашин, нарушение которых может повлечь ущерб транспортируемому имуществу, или обязанность войсковой части возместить ущерб потерпевшему по ст. 404 ГК и др.).

Поскольку неисполнение относится к служебным обязанностям, оно может выразиться в совершении действий, прямо не запрещенных, или в несовершении действий, прямо не предписанных нормой, когда то или другое действие продиктовано конкретной обстановкой и вытекает из характера выполняемой служебной обязанности.

Нельзя оговорить и заранее фиксировать все действия, совершение которых относится к надлежащему исполнению служебной функции, нельзя предвидеть все формы заботли-

¹ Мы ограничиваемся констатацией особенностей принципиального характера, отличающих имущественную ответственность рабочих и служащих по нормам КЗОТ и изданных в его развитие актов.

Природа указанной ответственности, ее отличия по сравнению с ответственностью рабочих и служащих в трудовом правоотношении, отличительные черты этой ответственности за ущерб, причиненный уголовно-наказуемым деянием и др., исследованы и детально выяснены в нашей кандидатской диссертации (1941) на тему «Имущественная ответственность работника по трудовому договору».

Итоговые выводы этой работы в отношении оснований дифференциации имущественной ответственности, исключения (как правило) презумпции вины рабочих и служащих, особенностей ответственности за ущерб, причиненный уголовно-наказуемым деянием, некоторые определенные (как недостача) воспроизведены в отдельных комментирующих положениях к статьям 83 и 83-1 КЗОТ Комментария к кодексу законов о труде (Юридат, 1947).

ности и предусмотрительности, способные предупредить ущерб государственной собственности.

В этом отношении регламентируются наиболее типичные требования. Остальное — то, что лежит в особенностях отдельных случаев, в многообразии, часто неповторимости, их проявления — составляет область ответственности и рачительного выполнения служебного долга. Соответствующие действия определяются обстановкой, конкретным содержанием круга деятельности и служебных функций, характеризующих обязанности лица (военнослужащего). Соблюдена ли должная мера добросовестности, заботливости, внимания в выполнении действий, которые военнослужащий должен совершить (или от совершения которых должен воздержаться) по обязанности своей службы, хотя и не предписанных нормой, является предметом выяснения и оценки в каждом отдельном случае, по совокупности всех обстоятельств, в том числе касающихся самой личности причинившего ущерб (уровень требований, которые могут быть предъявлены к военнослужащему по личным его качествам, степени компетентности в осуществлении служебной деятельности и т. п.).

Оценка эта по необходимости сугубо индивидуализирована.

Нет обязанности возмещения ущерба, когда он причинен не вследствие нарушения обязанности, а по исполнению обязанности, то есть, когда военнослужащий управомочен на причинение вреда, обычно на уничтожение имущества. Нет вины его в этом случае.

Это правомочие может вытекать из общей директивы, например об уничтожении имущества отходящими частями, чтобы оно не досталось врагу. Оно может быть специальным, как прямой приказ начальника об уничтожении определенных военных объектов, дабы не мог их использовать враг.

Оно может вытекать из целей предупреждения большего ущерба, по общему требованию закона (убой скота, зараженного эпизоотией, уничтожение испорченных продуктов), или ввиду сложившейся обстановки, например оставление экипажем машины в полете — при невозможности посадки без риска для жизни членов экипажа.

Наличие прямого приказа начальника об уничтожении имущества или соответствующие требования закона безусловно освобождают от ответственности за причиненный ущерб. Вопрос факта — проверка соответствия исполнения приказу или нормативному акту.

В других случаях (при отсутствии прямого приказа) может стоять вопрос о проверке целесообразности и обоснованности уничтожения имущества и, следовательно, о самом правомочии на уничтожение имущества.

Но это обстоятельство фактического свойства, не колеблющее правового принципа, согласно которому лицо, управомоченное на причинение вреда, не обязано возместить его.

«Инструкция о порядке списания недостающих денежных средств и ценных бумаг в войсковых частях и учреждениях Красной Армии»¹ предусматривает выдачу инспекторских свидетельств на списание денежных средств и ценных бумаг: а) уничтоженных по приказу военного командования в результате боевых действий и б) утраченных в результате боевых действий, если будет доказано, что должностные лица, несущие по закону ответственность за сохранность денежных средств и ценных бумаг, приняли все зависящие от них меры к сохранению вверенных им на постоянное или временное хранение денежных средств и ценных бумаг».

Военнослужащий несет имущественную ответственность за убытки, последовавшие в результате неисполнения (ненадлежащего исполнения) им служебной обязанности по его вине. Вина — это умысел или неосторожность, понимаемые в общепринятом в советском праве смысле, в соответствии со ст. 10 УК РСФСР.

Неисполнение будет умышленным, когда военнослужащий предвидел результат нарушения обязанности — причинение убытка — и желал (прямой умысел) или допускал возможность (умысел эвентуальный) наступления этого результата, хотя непосредственно и не преследовал цели нанести вред.

Неисполнение явится неосторожным, если военнослужащий не проявил необходимой предусмотрительности (оцениваемой по конкретным обстоятельствам), т. е. когда он не предвидел, что его действие (бездействие) может повлечь убыток государственному имуществу, хотя и должен был это предвидеть, или когда он предвидел возможность такого убытка, но легкомысленно рассчитывал предотвратить его.

Умысел и неосторожность конститутивные признаки вины. Следовательно, если в действия (бездействия) военнослужащего нельзя установить этих признаков, то нет и вины. К обстоятельствам, исключающим вину, надо отнести указываемую ст. 118 ГК «невозможность исполнения, обусловленную обстоятельством которого он (обязанный субъект — А. Д.) не мог предотвратить, либо создалась вследствие умысла или неосторожности кредитора». Такой невозможностью является «случай» — простой или квалифицированный — «непреодолимая сила». В нашей цивилистической литературе (мы не останавливаемся на относящихся сюда спорных в юридической литературе положениях) понимается:

¹ Утверждена приказом НКО 1942 г. № 415.

«случай», как событие возможное, встречающееся в практике известной деятельности, наступление которого, однако, не связано с виной лица (умыслом, неосторожностью) и которое, следовательно, не могло быть им предотвращено, и «непреодолимая сила», как событие необычное для данного рода деятельности, наступление которого неотвратимо и не может быть предотвращено никакими мерами¹.

Нет никаких особых условий ответственности военнослужащего за причиненный им войсковой части ущерб, которые исключали бы или ограничивали в связи с военно-служебным правоотношением применение общей нормы обязательственного права, последовательно в ст. 118 ГК выражающей принцип ответственности за вину.

Война и обстоятельства, сопровождающие военные события, хотя и непредотвратимые для отдельного лица, но, как это твердо установлено судебной практикой и советской правовой теорией, сами по себе не рассматриваются, как «непреодолимая сила», а оцениваются в конкретной причинной связи их с неисполнением определенного обязательства.

В этом смысле надо понимать и приведенное выше нормирование военным ведомством списания сумм и утраты имущества по военным условиям (Инструкция НКО 1942 г. № 415).

Как было указано (гл. II), вина военнослужащего в причинении убытка войсковой части не презюмируется, а должна быть доказана. Данное условие имущественной ответственности военнослужащих за причиненный вред характерно совпадает с условиями ответственности рабочих и служащих по нормам трудового законодательства и отличается от условий ответственности по ГК (исключение — ответственность за убыток от недостачи товаров, что будет рассмотрено особо).

По Инструкции 1948 г. № 24, для установления лиц, виновных в причинении убытка, взыскиваемого в административном порядке, назначается административное расследование (ст. 3). Вина военнослужащего устанавливается в этом случае на основании данных акта расследования, утвержденного командиром части. Вина может быть установлена дисциплинарным актом — приказом, отданным на основании акта расследования, о наложении дисциплинарного взыскания за действие (бездействие), повлекшее ущерб.

¹ Учебник «Гражданское право» 1944, т. 1, стр. 339—340; Д. М. Гелкин, В. И. Серебровский, Г. К. Москаленко. Цитированная работа, стр. 5; проф. С. Братусь. Некоторые вопросы науки гражданского права и судебной практики по гражданским делам в период Отечественной войны («Соц. зак.», 1944 г. № 11, стр. 35).

При наличии признаков уголовной вины военнослужащий привлекается к судебной ответственности (ст. 1 и ст. 6), и суд рассматривает и разрешает вопрос о вине.

Разграничение компетенции в этом отношении непосредственно вытекает из содержания и смысла статей 1, 3 и 6 названной инструкции.

Действующими правилами не разрешается вопрос о том, связано ли признание вины (как условие имущественной ответственности) в причинении ущерба с наложением дисциплинарного взыскания либо с определением меры наказания уголовным приговором за действие (бездействие), повлекшее ущерб, или же достаточно констатация признаков проступка или преступления в указанном действии (бездействии), хотя бы наказание (взыскание) не было применено.

Инструкция 1948 г. № 24 не связывает возмещения убытка в административном порядке с дисциплинарным взысканием. Аналогично статья 83 КЗОТ, перечисляя проступки, возлагающие на работника ответственность за вызванный им ущерб, не связывает ее с дисциплинарным взысканием. Это позволяет сделать тот вывод, что правила инструкции допускают взыскание убытка, причиненного действием или бездействием, содержащего признаки служебного проступка независимо от наложения или неналожения взыскания на виновное лицо.

В распоряжении командира части об удержании сумм с военнослужащего и возмещение ущерба должно быть, однако, подаваем, обязательно указано, в чем именно выразился его проступок, повлекший ущерб. Это важно и как мера воспитания дисциплины и как обоснование правомерности имущественного взыскания, поскольку при отсутствии вины в действии или бездействии лица такое взыскание вообще не может быть произведено.

Не конкретизируются условия имущественной ответственности военнослужащих при возбуждении уголовного преследования. Нам представляется правильным ввиду выясненной близости принципов имущественной ответственности применить здесь аналогично с ответственностью рабочих и служащих.

Статья 83-1, п. «а» КЗОТ обязывает возместить убыток в пределах полного размера его, «когда ущерб причинен действиями работников, содержащими признаки деяний, преследуемых в уголовном порядке» (курсив наш. — А. Д.). Значит, не обязательно наличие обвинительного приговора, так как признаки уголовно-наказуемого деяния имеются и при прекращении дела по мотивам ст. 8 УК РСФСР (и соответствующих статей УК других союзных республик). Законодатель отказывается лишь от применения уголовной санкции в случаях, указанных в этой статье.

Имущественная ответственность как возмещение ущерба — не уголовная санкция. Наличие признаков *уголовно-наказуемого деяния* в действии, повлекшем ущерб, характеризует в плане дифференциации имущественной ответственности степень вины как вины уголовной. В пределах полного возмещения ущерба мыслима, если она прямо не исключается законом, дифференциация взыскания в зависимости от субъективных и объективных моментов в правонарушении (действие корыстное, некорыстное и др., об этом подробнее см. гл. V). При всех условиях такое деяние — не дисциплинарный проступок, а уголовное правонарушение, и оно создает предпосылки материальной ответственности в размере, не ограничиваемом трехмесячным окладом денежного содержания.

Прекращение дела, согласно примечанию к ст. 6 УК РСФСР (и соответствующим статьям других союзных республик), или признание судебно-следственными органами инкриминируемого действия проступком, за который должно быть наложено дисциплинарное взыскание (примечание 1 к ст. 112 УК РСФСР), характеризуя действие (бездействие) как дисциплинарное нарушение, т. е. как виновное, обязывает по общему правилу к возмещению ущерба. При этом в данном случае, поскольку действие (бездействие) не содержит признаков уголовно-наказуемого деяния, взыскание ущерба должно производиться в административном порядке, в размере, ограничиваемом этим порядком взыскания.

Освобождает вовсе от имущественной ответственности прекращение возбужденного уголовного дела лишь по мотивам, исключаящим вину. Вина исключается при прекращении дела в стадии следствия или при оправдательном приговоре вследствие неустановления самого события преступления или отсутствия в действиях обвиняемого состава преступления (п. 3 ст. 204, ст. 326 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

Изытием, как это уже отмечалось, из строгого и целесообразного принципа имущественной ответственности военнослужащего при доказанной — не презюмируемой — вине его является ответственность за убыток при *недостаче* материальных и денежных ценностей.

Признание презюмируемой вины в этом последнем случае вызвано интересами охраны социалистической собственности, так как по роду операций с вверяемыми ценностями почти невозможно установить прямую причинную связь между недостачей и нарушением или неисполнением определенной служебной обязанности материально-ответственным лицом и тем самым вину его в конкретной недостаче. Проще и легче обратное — доказывание материально ответственным лицом отсутствия вины его в недостаче.

При недостатке вины материально ответственного лица презюмируется, и бремя доказывания *отсутствия вины* лежит на военнослужащем, которому по занимаемой должности или специальному распоряжению вверены материальные и денежные ценности.

Изложенные положения в принципиальной своей основе служат критерием для решения вопроса об имущественной ответственности при применении амнистии к лицам, осужденным уголовным судом за деяния, элементом состава которых является причинение ущерба войсковой части.

Общая или частная амнистия освобождает от наказания или смягчает наказание для лиц, осужденных уголовным судом, но амнистия не аннулирует признания вины. Исходя из этого, амнистия не влияет на вытекающие из этого признания последствия для имущественной ответственности.

Прекращение дела по амнистии в стадии предварительного следствия или судебного производства (до вынесения приговора) может иметь значение для ответственности за ущерб в том случае, если установление уголовной вины (наличия признаков уголовно-наказуемого деяния) является на основании закона преюдицией для возложения обязанности возмещения ущерба (в полном или ранее «повышенном» размере — при уголовной вине).

Амнистия, в силу которой прекращено дело материально-ответственного лица в стадии следствия или судебного производства, лишает возможности установить уголовную вину его в причинении ущерба. Это вводит имущественную ответственность за убыток в рамки ответственности, не связанной с уголовной преюдицией, т. е. ответственности за ущерб при отсутствии уголовной вины.

Не лишен значения вопрос о природе имущественной ответственности военнослужащих за ущерб, причиненный войсковой части уголовно-наказуемым деянием. Применительно к ответственности рабочих и служащих вопрос вызывает споры среди цивилистов. Некоторые цивилисты считают, что действие (или бездействие) в этом случае представляет собою не нарушение обязанности службы — бережного отношения к социалистической собственности, предупреждения ущерба, а деликтное правонарушение, так как, говорят они, действие, квалифицируемое как уголовно-наказуемое, лежит вне круга служебных функций, не есть служебное действие.

Вывод, который при этом делается, — тот, что лицо, причинившее ущерб, несет имущественную ответственность по нормам и принципам «обязательства, возникающих вследствие причинения другому вреда» (гл. XIII ГК РСФСР и соответственно ГК других союзных республик), а не законодательства о труде рабочих и служащих (ст. 83—83-б Кодекса законов о труде).

Не входя в детали спора, нужно отметить существенное практическое значение его для регулирования имущественной ответственности военнослужащих, поскольку, как мы видели (гл. II), принципы этой ответственности аналогичны принципам имущественной ответственности рабочих и служащих.

Если нормирование это осуществляется по принципам ГК, то исключается дифференциация размеров возмещаемого убытка в зависимости от степени вины и характера уголовного правонарушения (деяние корыстное, некорыстное), тогда как дифференциация взыскания составляет типичную особенность нормирования имущественной ответственности работника по КЗОТ и при уголовной вине. Мы полагаем, что эта дифференциация должна быть усвоена в отношении имущественной ответственности и военнослужащих (см. гл. V).

Отказ от последовательного развития начала дифференцированного возмещения вреда в пределах полного взыскания убытка (ст. 83-6 КЗОТ) при вине уголовно-наказуемой явился бы ослаблением данного начала. Вместе с тем с утратой соразмерности между степенью и характером вины и имущественными последствиями причинения вреда было бы ослаблено воздействие имущественной ответственности на поведение рабочих, служащих, военнослужащих по предупреждению ущерба.

Трактовка имущественной ответственности работника (соответственно военнослужащего) за ущерб, причиненный им при исполнении служебных обязанностей уголовно-наказуемым деянием, в качестве деликтной упускает из виду, что служебная обязанность может заключаться не только в совершении действия, но и в воздержании от действия. Таким *воздержанием* от действия, диктуемым обязанностью беречь и укреплять социалистическую собственность, в первую очередь является воздержание от использования вверенного государственного имущества в корыстных целях. Нарушение данной обязанности (в случаях присвоения имущества или иного рода злоупотреблений) составляет, смотря по обстоятельствам, служебный проступок или служебное преступление.

Эта трактовка не согласуется с положительным правом. Гл. III УК РСФСР (и соответствующие главы УК других союзных республик) посвящена «должностным (служебным) преступлениям» и определяет меры наказания за действия, представляющие уголовно-наказуемое нарушение *служебных* обязанностей. Таким нарушением является также совершение действий, от которых должностное лицо должно бы воздержаться (в том числе, например, злоупотребление служебным положением, растрата), совершение коих возможно только «в силу служебного положения или исполнения обязанностей»

(ст. 116 УК). Именно *определенное нарушение обязанностей службы* квалифицирует деяние, как уголовно-наказуемое.

Трактовка эта неприемлема и потому, что, отрывая имущественную ответственность от нарушения обязанностей службы, она ослабляет дисциплинирующую роль имущественной ответственности в служебном правоотношении.

Нормирование имущественной ответственности военнослужащих несомненно исходит из признания уголовно-наказуемого деяния, повлекшего ущерб, нарушением служебно-воинской обязанности. Таков точный смысл нормы Инструкции от 1948 г. № 24 о взыскании ущерба в судебном порядке в случаях привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в хищении, растрате или недостаче товаров.

Только причинение вреда военнослужащим вне связи с несением воинской службы создает обязательство из причинения вреда по общим правилам гл. XIII ГК (подробнее ниже — гл. IV).

Для возложения на военнослужащего имущественной ответственности за причиненный ущерб недостаточно констатация неисполнения им обязанностей службы и вины его в том. Необходимо установить причинную связь между неисполнением обязанностей и убытком.

Выяснение этой связи не имеет заранее определенного критерия и производится по конкретным обстоятельствам в каждом отдельном случае.

Так, Инструкция 1948 г. № 24 предписывает назначать административное расследование в случае причинения ущерба войсковой части «для установления виновных лиц» (ст. 3). Задачей расследования, очевидно, является не только установление умысла или неосторожности в действии (бездействии) того или другого военнослужащего, но и связи между виной военнослужащего и ущербом, понесенным войсковой частью.

Установление причинной связи между действием и результатом имеет прямое отношение к актуальному вопросу об имущественной ответственности начальника за ущерб, причиненный его подчиненным.

Инструкция 1948 г. № 24 подчеркнута устанавливает имущественную ответственность за причинение материального ущерба войсковой части лиц, в том *виновных* (ст.ст. 1, 3, 6). Следовательно, если в факте причинения вреда подчиненным нельзя усмотреть *вины* начальника (умысел, небрежность и бездеятельность), нет законных оснований возлагать на начальника ответственность за ущерб.

Отвечает непосредственный виновник, причинивший войсковой части ущерб.

Мы усматриваем подтверждение этого положения в норме Инструкции 1948 г. № 24, распространяющей (в отли-

ние от ранее действовавших правил) материальную ответственность за нанесенный убыток войсковой части на все категории военнослужащих, в том числе на солдат и матросов. Начальник отвечает за ущерб, причиненный действием подчиненного вследствие его (начальника) неправильных распоряжений. Например, подчиненный произвел незаконное расходование денежных средств или имущества по распоряжению начальника, подчиненный испортил товар, который он, согласно распоряжению начальника, перевозил без укрытия, несмотря на дождливую погоду, и т. д.

Тут налицо вина начальника и связь (причинная) между его неправильным распоряжением и ущербом. Начальник ответственен за ущерб. Подчиненный имущественной ответственности не несет.

Другой вопрос, отвечает ли материально начальник наряду с подчиненным за ущерб, причиненный его подчиненным, если ущерб является следствием не только прямой и непосредственной вины подчиненного, но также и начальника, не проявившего должной предусмотрительности или не обеспечившего должного контроля за подчиненным в целях предупреждения ущерба.

В этом случае, как полагаем, вопрос об ответственности начальника должен быть разрешен по конкретным обстоятельствам, исходя из оценки связи между упущением начальника и причиненным вредом.

Например, начальник, вверивший ценности непроверенному лицу, за которым вдобавок не осуществлялась установленная правилами ревизия, должен, с нашей точки зрения, также нести имущественную ответственность за убыток от растраты или хищения, произведенного этим лицом¹, но лишено основания взыскание с младшего лейтенанта и воентехника авиаполка стоимости часов с самолета, пропавших во время дежурства по линейке сержанта срочной службы, находившегося в постоянном подчинении у указанных мл. лейтенанта и воентехника, произведенное по тому мотиву, что на них лежала обязанность наблюдения за аккуратным выполнением службы подчиненным им лицом².

Возможность или невозможность взыскания с подчиненного убытка по действующим правилам или иным условиям сама по себе не может иметь никакого влияния на ответственность начальника.

¹ См. Постановление СНК СССР от 16/II 1933 г. № 24 «О мероприятиях по усилению борьбы с хищениями и растратами в государственных и кооперативных торговых предприятиях».

² Случай и правильная оценка его приведены в брошюре А. Е. Луева — Материальная ответственность военнослужащих за ущерб, причиненный государству, стр. 12—13 (ВЮА РККА, 1942 г.).

Что касается солидарной ответственности начальника и подчиненного, нескольких соподчиненных лиц, то при этом прежде всего должно быть установлено наличие условий ответственности каждого из привлекаемых к имущественной ответственности и затем особых условий наступления солидарной ответственности. Таким особым, дополнительным условием является ущерб в результате совместных действий (или бездействия), когда налицо условия для ответственности каждого из числа лиц, повинных в ущербе, и вместе с тем невозможно выделить ущерб, причиненный каждым в отдельности. В этом суждении мы отталкиваемся от ст. 408 ГК: «Лица, совместно причинившие вред, отвечают перед потерпевшим солидарно».

Нам представляется оправданным и обоснованным применение нормы ст. 408 ГК за пределами деликтной ответственности. Солидарное обязательство — не особенность деликтной ответственности, а совместное (в смысле, указанном выше) причинение вреда возможно не только при деликте, но и при нарушении служебной обязанности (договорной или определенной законом), в частности действиями (бездействием), заключающими признаки уголовно-наказуемого деяния.

Нет принципиальных или продиктованных нормой оснований к тому, чтобы отказаться от применения правила ст. 408 ГК в обязательстве не из деликта, когда обстоятельства причинения вреда соответствуют условиям ст. 408 ГК.

Однако, исходя из дифференциации размеров взыскания ущерба с военнослужащих (и работников по трудовому договору), выражающей тенденцию нашего закона к ограничению имущественной ответственности их, мы полагаем, что солидарная ответственность может иметь место лишь в случаях взыскания ущерба в судебном порядке (ст. 6 Инструкции 1948 г. за № 24).

ГЛАВА IV

Границы применения специальных правил имущественной ответственности военнослужащих

Особое регулирование имущественной ответственности военнослужащих за ущерб, причиненный войсковой части, требует уяснения границ этого регулирования: в каких случаях возмещение ущерба военнослужащими производится по специальным нормам, на какой круг лиц распространяется имущественная ответственность по этим нормам.

Имущественный вред может быть нанесен войсковой части при исполнении служебной *воинской* обязанности *невоеннослужащим*. Военнослужащий может причинить ущерб

гражданской организации при исполнении им в этой организации служебной обязанности.

Войсковая часть или другой госорган, в котором военнослужащий несет воинскую службу, может понести урон от действия военнослужащего, не связанного с исполнением им служебной воинской функции.

Применяются ли правила имущественной ответственности военнослужащих к военнообязанным и допризывникам, которые не являются военнослужащими, во время прохождения ими сборов, учений и т. д., с одной стороны, и к военнослужащим, откомандированным для несения службы в гражданские ведомства, с другой? По каким нормам отвечает военнослужащий за ущерб, причиненный войсковой части при обстоятельствах, не связанных с воинской служебной деятельностью.

Отсылка к ответственности «военнослужащих» не разрешает возможные в этих случаях сомнения.

Самое понятие «военнослужащий» нуждается в уточнении: с какого момента гражданин, призванный на действительную военную службу, должен считаться военнослужащим.

I

Исходным критерием для очертаения границ имущественной ответственности по нормам, установленным для «военнослужащих», может явиться только причинение ущерба при исполнении (в связи с исполнением) обязанностей воинской службы.

Как это выяснено (гл. I), обязанность «всемерно беречь военное и народное имущество» является обязанностью воинской службы, а имущественная ответственность военнослужащего в виде возмещения причиненного им ущерба представляет гражданско-правовую санкцию за нарушение ее.

Эта обязанность, устанавливаемая воинскими уставами, тем самым не просто обязанность советского гражданина, а обязанность, вытекающая из условий военной службы (ст. 45 «Закона о всеобщей воинской обязанности»). Обязанности военной службы и условия отправления ее специфицируют содержание обязанности «беречь и укреплять социалистическую собственность» в *военнослужебном* правоотношении.

Из особенности содержания этой обязанности проистекают отличия характера правоотношения в целом по сравнению с однородным гражданским правоотношением или трудовым правоотношением.

Они (отличия) влекут особенности регулирования рассматриваемого правоотношения, коренящиеся, таким образом, в обязанностях воинской службы.

Когда ущерб является результатом нарушения соответствующей служебной *воинской* обязанности, наступает имущественная ответственность согласно специальным правилам об имущественной ответственности военнослужащих.

Вследствие этого такая ответственность военнослужащего существует перед всякой организацией, в которой военнослужащий несет воинскую службу, если им причинен ущерб нарушением служебных обязанностей. С другой стороны, нет оснований для применения указанных специальных правил в случае причинения ущерба действием (бездействием), не представляющим нарушения обязанности в связи с исполнением воинской службы.

Если правоотношение, участником которого является военнослужащий, не включает в себе специфических обязанностей, вытекающих из условий военной службы, оно аналогично общегражданскому и подпадает под действие общих норм гражданского права.

Когда ущерб причинен военнослужащим войсковой части (государству) не при исполнении возлагаемой на него *воинской* обязанности, нет нарушения этой, установленной специальным законом, обязанности; налицо правонарушение, содержащее признаки обычного деликта, соответственно влекущего ответственность согласно правилам гл. XIII ГК РСФСР.

Военнослужащему предоставлен воинской частью мотоцикл в пользование по надобности, не относящейся к выполнению служебной обязанности. Военнослужащий повредил мотоцикл. Он несет имущественную ответственность за причиненный им ущерб по правилам и в объеме согласно гл. XIII ГК РСФСР. В этом случае не применимы льготы и ограничения ответственности (не презомируемая вина, дифференциация размеров возмещаемого ущерба и др.), которые имеют почва и смысл в связи с *военнослужебным* отношением как гарантия определенного уровня жизни при выполнении трудовой функции лицом с нормированным трудовым доходом. Эта гарантия связана и с дисциплинирующим влиянием дифференцированного возмещения ущерба на исполнение обязанностей службы. Дифференциация эта утрачивает значение и смысл во внеслужебном правоотношении.

II

Действующими правилами предусматривается применение в отдельных случаях норм, регулирующих *военнослужебные* отношения к *невоеннослужащим*. Имеет ли основание распространение в виде исключения правил имущественной ответственности военнослужащих на некоторые категории лиц *невоеннослужащих*?

Дисциплинарный устав распространяет действие его: «...а) на всех военнослужащих Вооруженных Сил Союза ССР;

б) на военнообязанных запаса и допризывников во время прохождения ими сборов, при участии на маневрах и других войсковых учениях;

в) на офицеров, генералов и адмиралов, состоящих в запасе и находящихся в отставке, а также на офицеров, генералов и адмиралов, командированных для работы в народном хозяйстве, — при ношении ими военной формы» (ст. 17 Дисциплинарного устава).

Применение Дисциплинарного устава Вооруженных Сил СССР к офицерам, генералам и адмиралам в отставке и в запасе, т. е. к невоеннослужащим, связано (и этим ограничено, что следует из текста нормы) с требованиями, обязывающими к соблюдению достоинства и чести лица, облаченного в военную форму.

«Правила воинской вежливости и поведения, — устанавливает Устав внутренней службы, — обязательны также для офицеров, генералов и адмиралов, состоящих в запасе и находящихся в отставке, при ношении ими военной формы» (курсив наш — А. Д.).

Военная форма — признак чести воина: «Военный мундир, не освященный самой суровой дисциплиной, — перестает быть символом чести и становится безличной одеждой»¹.

Кто пользуется почетной привилегией военнослужащего носить военную форму, должен по справедливости разделять и санкцию, установленную для всех военнослужащих за дискредитацию «чести мундира» (в подлинном и большом значении этого слова — в смысле воинской чести). Однако дисциплинарная ответственность, согласно Дисциплинарному уставу ВС СССР, офицеров, генералов и адмиралов в отставке и в запасе не затрагивает вопроса, и не влияет на нормы имущественной ответственности их за причиненный вред, поскольку причинение не связано с отправлением воинской службы и тем самым с нарушением воинской обязанности.

Другое дело, военнообязанные запаса и допризывники (тоже не военнослужащие) в период военных сборов, учений, маневров. В этот период они несомненно несут воинскую службу. Ответственность военнообязанных, призванных на учебные сборы, за материальный ущерб, причиненный государству при исполнении служебных обязанностей (как и ответственность их по нормам, установленным для военнослужащих за дисциплинарные нарушения, а также за преступления, направленные против установленного порядка несения

воинской службы), прямо предусмотрена «Законом о всеобщей воинской обязанности» (ст. 57). Имеются все предпосылки применить эту норму к допризывникам, что косвенно подтверждает п. «б» ст. 17 Дисциплинарного устава, которым дисциплинарная ответственность допризывников и военнообязанных во время сборов, учений и маневров поставлена в один ряд.

Можно пожалеть, что в военно-юридической литературе не разработан вопрос о правовом положении военнообязанных и допризывников, призванных на военные сборы, учения, маневры, во время этих сборов. Едва ли спорно, однако, общее направление решения вопроса в смысле распространения на военнообязанных и допризывников в период сборов, учений и т. п. статуса военнослужащих. Это должно быть отнесено и к имущественной ответственности за причиненный вред при исполнении обязанностей воинской службы.

Иначе складывается схема имущественной ответственности военнослужащих, откомандированных для работы в организации гражданских ведомств. Это прежде всего ответственность не перед войсковой частью, а перед гражданской организацией; одновременно это ответственность военнослужащего. Возникает коллизия: отвечает ли этот военнослужащий за ущерб, причиненный организации по Кодексу законов о труде, или в порядке специальных правил о материальной ответственности военнослужащих?

Правовое положение военнослужащего, проходящего военную службу не в войсковой части, особо не регламентировано. Было бы поспешным сделать тот вывод, что это положение не включает каких-либо особенностей или что оно целиком охватывается действующим нормированием. Это скорее свидетельствует о пробеле в нормировании, а вслед за ним и в научной разработке вопроса о военнослужащем в отношении, так как совершенно очевидны отличия между организацией отношений в гражданском ведомстве и в военном: в системе субординации (в частности, если начальник — невоеннослужащий), в порядке осуществления административных функций начальником-военнослужащим и др. Можно придать разное значение этим фактам. Можно прийти к заключению, что они не влияют на правовое положение военнослужащего, но нельзя оставить их без рассмотрения и не оценить их правового значения.

Мы остановимся, естественно, на тех моментах в правоотношении с гражданской организацией военнослужащего, откомандированного для работы в народном хозяйстве, которые имеют значение для правовой характеристики имущественной ответственности военнослужащего.

Предварительно отметим лишь, что распространение действия Дисциплинарного устава (ст. 1) на эту категорию

¹ Полк. Вакуловский, Честь офицера Красной Армии, Труды ВЮА, 1945, стр. 99.

военнослужащих не предвещает ответа на поставленный нами вопрос ввиду узкой направленности данной регламентации, отнесенной к положению военной формы (как офицеров, генералов и адмиралов в отставке и в запасе).

Ведущим в решении вопроса надо считать цитированное выше положение ст. 57 «Закона о всеобщей воинской обязанности», предусматривающей ответственность военнослужащих по специальным нормам (закон указывает: «по дисциплинарному воинскому уставу», что для материальной ответственности устарело) «за дисциплинарные проступки и за материальный ущерб, причиненный государству при исполнении служебных обязанностей».

По точному содержанию статьи не различается материальная ответственность военнослужащих перед войсковой частью или гражданской организацией за ущерб, причиненный при исполнении служебных обязанностей. Норма формулируется как имущественная ответственность за ущерб, причиненный «государству», а не только воинской части, как самостоятельно хозяйствующему субъекту. Это по текстуальному содержанию нормы позволяет включить сюда ущерб, нанесенный всякой государственной организации.

Ответственность эта обусловлена причинением ущерба «при исполнении служебных обязанностей». Речь идет об ответственности *военнослужащих* и имеется в виду исполнение *воинских* служебных обязанностей (как это уже выяснено, — исполнение их в организации, которой нанесен вред). Это и соответствует всей системе специального регулирования имущественной ответственности *военнослужащих*, построенной с учетом специфики воинского служебного отношения.

Применима ли ст. 57 «Закона о всеобщей воинской обязанности» к имущественной ответственности *военнослужащего* перед гражданской организацией, в которую он направлен для работы?

Обязанным субъектом в этом случае является *военнослужащий*. Целью обязательства служит восстановление нарушенной государственной собственности (возмещение «ущерба, причиненного государству»). Для установления полного соответствия признаков конкретного правоотношения признакам, содержащимся в ст. 57 названного закона, остается выяснить характер служебного отношения *военнослужащего* в гражданской организации: представляет оно *воинскую* службу или нет? В первом случае наступает ответственность согласно ст. 57, во втором — по иным нормам.

Военнослужащий, откомандированный для работы в гражданскую организацию, продолжает состоять на действительной военной службе, и откомандирование его производится: «для прохождения военной службы». Несомненно,

что такое направление *военнослужащего* в гражданскую организацию имеет задачей обеспечение мероприятий, относящихся прямо или косвенно к деятельности армии (в частности, по обслуживанию ее материально-технических потребностей или ее контингентов).

Правоотношение, в котором состоит *военнослужащий* с гражданской организацией, может, повидному, складываться либо как трудовое — на основе законодательства о труде рабочих и служащих, либо как *военнослужебное* (с учетом иных условий прохождения службы, — на них мы не останавливаемся сейчас, как на вопросе более общего значения).

Фактически и юридически это правоотношение ни в какой стадии не регулируется Кодексом законов о труде.

Возникает данное правоотношение не на основании трудового договора и не на основании административного акта по распределению рабочей силы — трудовой мобилизации или трудовому устройству. Это правоотношение имеет основанием акт *военно-административный*. Равно и прекращается правоотношение, согласно *военно-административному* акту. Содержание правоотношения хотя и заключается в выполнении служебных функций в гражданской организации с соблюдением распорядка работ, принятого в соответствующей организации, тем не менее для *военнослужащего* работа остается связанной с *военнослужебными* задачами, ради достижения которых произведено откомандирование его.

Прохождение службы в гражданской организации (в том числе поощрения и взыскания) учитывается в порядке и по правилам, установленным для всех *военнослужащих*: сохраняются за откомандированными права и льготы, предоставляемые *военнослужащим* на общих основаниях (пособия при нетрудоспособности — не по социальному страхованию, — пенсии и др.).

Все это отличает правовое положение *военнослужащего* в гражданской организации, как определяемое *несением воинской обязанности* хотя и не в воинской части.

Ответственность *военнослужащего* поэтому за допущенные им служебные нарушения по работе в гражданской организации должна определяться правилами ответственности за нарушение обязанностей *воинской службы*, согласно ст. 57 «Закона о всеобщей воинской обязанности».

Такова не возбуждающая споров уголовная судебная практика. Указанная категория *военнослужащих* отвечает перед *военным трибуналом* за уголовно-наказуемые деяния, совершенные в связи с работой в гражданской организации. Такова, насколько нам известно, не совсем устойчивая и четкая практика взысканий за дисциплинарные проступки этой категории *военнослужащих*. Не может быть иной и иму-

щественная ответственность за причиненный вред гражданской организации. В этом вопросе наибольшая сложность. «Иной» эта ответственность могла бы быть только по нормам КЗОТ, но КЗОТ не применяется и не применим к данному правонарушению, следовательно, не применимы также нормы КЗОТ, относящиеся к имущественной ответственности (ст. 83—83-6 КЗОТ РСФСР).

Принципиальные начала имущественной ответственности военнослужащих хотя и совпадают с началами ответственности рабочих и служащих за причиненный ущерб, но эти два вида имущественной ответственности (в военнослужебном правоотношении) не могут быть смешиваемы в силу существенных различий в конкретном правовом нормировании каждого из этих видов ответственности (размеры взыскания, порядок взыскания и др.).

Не может быть эта ответственность иной, кроме как общеустановленная для военнослужащих и по более общим соображениям.

Уголовная, дисциплинарная и материальная ответственность военнослужащих за допущенные по службе в гражданской организации нарушения имеет основанием нарушение обязанности воинской службы. Когда нарушение это связано с причинением ущерба, оно, кроме материальной санкции (возмещение ущерба), влечет также карательную уголовную или дисциплинарную санкцию. Санкции эти в сочетании оказываются неразрывно связанными единством основания ответственности (как известно, степень вины влияет на размер имущественного взыскания, и, наоборот, размер ущерба является моментом, характеризующим степень вины).

Специфика отношения, основанного на военнослужебной обязанности, обуславливает выделение его в ряду других правоотношений и влечет особое нормирование ответственности—будь то уголовная, дисциплинарная или гражданско-правовая. Немыслимо расчленение сложного правонарушения таким образом, что за повлекшее ущерб уголовно-наказуемое деяние в связи с работой в гражданской организации применяется санкция, установленная для ответственности военнослужащих (что вытекает из закона и не возбуждает сомнения в практике), а материальный ущерб, причиненный этим деянием гражданской организации, взыскивается по нормам, лежащим вне специфики военнослужебного правоотношения.

Гражданско-правовая санкция, оторванная от основания ответственности (нарушения воинской обязанности), оказалась бы произвольной и ослабила бы свое значение превентивной меры (наряду с возмещением ущерба) в военнослужебном правоотношении.

III

Критерий, связывающий имущественную ответственность по нормам, установленным для военнослужащих с исполнением обязанностей воинской службы, дает имеющий существенное значение ответ и на другой вопрос: с какого момента указанная ответственность попадает под действие этих норм. Этот вопрос не урегулирован и недостаточно ясен не только в отношении военнообязанных и допризывников во время прохождения сборов, учений и др., но и военнослужащих.

Действующее военное законодательство не фиксирует времени, когда лицо, призванное в армию на действительную службу, становится военнослужащим. Соображения по этому поводу, изложенные в литературе, кажутся нам лишены единства критерия и поэтому неубедительными.

В цитированном нами ранее учебнике «Военно-административное право» указывается: 1) «призывник становится военнослужащим со всеми вытекающими последствиями с того момента, когда призывная комиссия вынесла решение о зачислении его на действительную военную службу», а призванный из запаса — либо со дня явки на сборный пункт, либо со дня явки в назначенную часть¹; 2) «дисциплинарная ответственность, по Дисциплинарному уставу Красной Армии, распространяется на призванных в Армию с момента зачисления в команду решением призывной комиссии². С этого же момента призванные в Армию должны быть подсудны суду военного трибунала» и, наконец, 3) «право на вещевое довольствие возникает лишь с момента издания приказа о зачислении в списки личного состава части»³. (здесь и выше курсив наш. — А. Д.).

Тут «вытекающие последствия» из военнослужебного правоотношения приурочиваются по крайней мере к трем разным моментам возникновения его: к зачислению на действительную военную службу, зачислению в команду, издавшему приказ о зачислении в списки личного состава части; пожалуй, сюда же надо присоединить явку (призванного из запаса) на сборный пункт и явку в назначенную часть.

Можно согласиться с тем, что лицо, призванное в Армию, становится военнослужащим ранее принятия военной присяги. Принесение присяги отнесено ко времени, когда военнослужащий в процессе прохождения службы подготовлен к восприятию и осознанию почетных обязанностей и высокого воинского долга.

¹ Учебник «Военно-административное право», стр. 128.

² Там же, стр. 129.

³ Там же, стр. 130.

Но нельзя делать этот момент неопределенным и зависимым от разных обстоятельств, сопряженных с *отдельными* правами или обязанностями лица, призываемого в состав Вооруженных Сил Союза ССР.

Во всяком случае правила имущественной ответственности военнослужащих за ущерб, причиненный войсковой частью, может, полагаем мы, иметь применение к лицам, призванным для несения военной службы в Вооруженных Силах СССР лишь после зачисления этих лиц в часть.

Это относится как к военнослужащим, так и военнообязанным и призывникам, зачисляемым в часть для выполнения определенных законом *воинских обязанностей*.

IV

В отличие от Дисциплинарного устава 1940 г. Инструкция 1948 г. № 24 не освобождает от имущественной ответственности солдат и матросов, виновных в причинении убытка войсковой части «неправильными действиями (бездействием), повлекшими за собой предания суду военного трибунала», т. е. действиями (бездействием), представляющими дисциплинарный проступок.

Взыскание убытка производится в этом случае в размере не свыше *месячного* содержания солдата или матроса (против трехмесячного оклада содержания других категорий военнослужащих).

С солдат и матросов, как и с других категорий военнослужащих, убыток взыскивается в полном размере, если он причинен уголовно-наказуемым деянием (см. ст. 6 Инструкции 1948 г. № 24).

Это прямо следует из сопоставления ст. 6 «Инструкции», не предусматривающей каких-либо изъятий для отдельных категорий военнослужащих, со ст. 1, распространяющей взыскание ущерба в определенных пределах на все категории военнослужащих, в том числе солдат и матросов. Статья 6 имеет в виду те же категории военнослужащих, что и ст. 1.

Несомненно, одним из наиболее эффективных средств предупреждения вреда является имущественная ответственность, служащая одновременно задачей восстановления нарушенной собственности.

Отказ от возложения материальной ответственности на солдат, матросов и сержантов за причиненный ими ущерб уголовно-наказуемым деянием, в особенности корыстным преступлением, был бы нарушением того принципа взыскания соразмерно степени вины и значения ущерба, руководствуясь которым для солдат и матросов устанавливается пони-

женный размер взыскания при вrede, нанесенном действием, представляющим дисциплинарный проступок.

Такое освобождение от имущественной ответственности создавало бы почву для злоупотреблений неустойчивых и преступных элементов и тем самым угрозу для сохранности государственной собственности, особенно, когда она вверяется лицам рядового и младшего начсостава по занимаемой должности или в порядке выполнения отдельных поручений.

Самая возможность имущественной ответственности служит эффективным стимулом к предупреждению ущерба, что исключительно важно в борьбе с корыстными преступлениями.

ГЛАВА V

Размер возмещаемого ущерба, причиненного военнослужащими

Дифференциация размеров взыскания и возмещение военнослужащими ущерба, нанесенного войсковой частью, выдвигает как актуальный вопрос о юридическом характере ограниченной взыскания и вместе с тем о применении и пределах самой дифференциации.

I

Можно считать установленным, согласно выясненному ранее, что дифференциация взыскания покоится на различии степени вины, характера деяния, повлекшего ущерб (корыстное, некорыстное), значения данного вида ущерба для социального хозяйства и что взыскание убытка в полной учетной стоимости его (хотя бы в размере, ограниченном трехмесячным или месячным окладом) представляет собой *возмещение* ущерба (не штраф).

Ограничения в этом случае относятся, надо считать, ко *взысканию* подлежащего возмещению ущерба, но не к объему материальной ответственности за него.

Должно различать эти понятия: объем материальной ответственности и размеры взыскания в возмещение ущерба.

Общее положение: военнослужащий, причинивший убыток войсковой части (государству), при определенных условиях обязан (см. гл. III) возместить его. Это вытекает из гражданско-правовой природы и сущности имущественной ответственности за ущерб, целью которой является его возмещение.

В известных случаях *размеры взыскания*—удержания—ограничены, но это уже элемент правовой политики в неко-

торой области отношений, где имеется в виду сочетать возмещение убытка с гарантиями жизненного уровня военнослужащего (трудящегося) и использовать дифференциацию взыскания как фактор воздействия на дисциплину в области охраны социалистической собственности.

Предлагаемое разграничение объема ответственности и размеров взыскания дано, как мы полагаем, непосредственно нормативными актами.

Статья 1 Инструкции 1948 г. № 24 устанавливает ответственность военнослужащих в административном порядке: «...в размере действительного ущерба, но не свыше...»

Если обязанностью военнослужащего является возмещение ущерба в пределах дифференцируемого взыскания, то командир части в этих установленных законом пределах не вправе по своему усмотрению снижать размер взыскания административным распоряжением. Равным образом он не вправе уменьшать размер исковых требований против истребленного ущерба — при судебном взыскании в полном размере.

Таково и правило Инструкции 1942 г. № 415, согласно которой (п. 5) списание недостач денежных средств, ценных бумаг, а также незаконных расходов в случае невозможности взыскания производится только на основании инспекторских свидетельств (следовательно, не командиром части).

Отказ от взыскания по усмотрению командира части допустим лишь только тогда, когда он основан на прямом предписании нормативного акта.

В границах своей компетенции, при наличии предпосылок (условий) имущественной ответственности военнослужащего, командир части не только вправе, но обязан произвести взыскание, хотя бы ущерб был незначителен.

II

Инструкция 1948 г. № 24 (как и ранее действовавшие правила) не предусматривает и не предоставляет усмотрению суда снижения размера взыскания ущерба, причиненного *уголовно-наказуемым* действием (бездействием) виновного лица. Инструкция не связывает в этом положении размеров взыскания со степенью вины лица, характером деяния и пр.

Равно при некорыстном правонарушении, повлекшем ущерб (при преступной халатности), как и при корыстном присвоении или растрате государственной собственности (хищении, растрате), взыскание производится в полном размере понесенного убытка.

В этом пункте не совпадают дифференциация взыскания убытка с военнослужащих и с рабочих и служащих за вред, причиненный социалистической собственности.

Требование ст. 83-6 КЗОТ: «при установлении судебными органами размеров подлежащего возмещению ущерба должны учитываться не только причиненные убытки, но и та конкретная обстановка, при которой убыток был причинен, а также материальное положение работника».

Это требование не только последовательно реализуется вполне устойчивой в этом вопросе судебной практикой, но само порождено судебной практикой (предшествовавшей принятию ст. 83-6 КЗОТ), реалистически и разносторонне оценивающей все явления, сопряженные с ущербом социалистической собственности и его возмещением.

В том соотношении, которое существует между возмещением убытка и дисциплинирующим значением дифференциации взыскания его, нет основания игнорировать различие в степени и характере вины, уголовно-наказуемой.

По своей природе этот вид дифференцирования имущественного взыскания (при уголовной вине) не отличается от дифференциации взыскания при вине дисциплинарной.

В обоих случаях размер взысканий ставится в связь с объективными и субъективными данными, характеризующими ущерб, вину лица, а также с целями возмещения ущерба, усиления превентивных мер предупреждения его (укрепления дисциплины) наряду с гарантией уровня жизни трудящегося (принимаемой во внимание при бескорыстном нанесении вреда).

Различие здесь только в порядке применения дифференциации и характере ее. В одном случае субъективная и объективная стороны деяния находят свою оценку в самой квалификации его, как дисциплинарный проступок. Тут возможно определение непосредственно нормой предела взыскания. В другом — при уголовном правонарушении — эти стороны могут быть выяснены и оценены только в конкретной связи всех обстоятельств, обусловивших вред.

Поскольку при возбуждении уголовного дела взыскание убытка производится в судебном порядке, суд по конкретным, исследуемым им обстоятельствам дела может оценить значение ущерба в определенной обстановке и субъективную сторону деяния и в границах, допускаемых действующими правилами в соответствии с этой оценкой, снизить размеры взыскания. Поддаются учету при этом и заслуживающие внимания в каждом отдельном деле гарантии уровня жизни трудящегося¹.

С этой точки зрения можно заранее установить, что недопустимо уменьшение взыскания в возмещение ущерба, понесенного от корыстных преступных действий (растраты.

¹ См. ст. 83-6 КЗОТ Постановление Пленума Верховного суда СССР от 8 января 1930 г. и др.

хищении¹⁾ ввиду объективно особо опасного и субъективно злого характера этих действий.

Принятие во внимание судебным приговором в части гражданского иска (или судебным решением при выделении гражданского иска) «конкретной обстановки, при которой причинен ущерб» (как это предусмотрено ст. 83-6 КЗОТ), причинен только расширило бы амплитуду дисциплинирующего воздействия имущественной ответственности в системе организации охраны и предупреждения ущерба государственной собственности.

Мы считаем, что было бы оправданным введение нормы, аналогичной ст. 83-6 КЗОТ, в применении к имущественной ответственности военнослужащих за ущерб, причиненный ими войсковой частью.

Такая норма вполне соответствовала бы предпосылкам и принципам дифференцирования возмещаемого военнослужащими убытка, совпадающим с предпосылками и принципами дифференцированного взыскания ущерба с рабочих и служащих по КЗОТ.

Дифференциация имущественного взыскания в возмещение ущерба имеет развитие не только в направлении ограничения взысканий, но и *повышения* размеров взыскания по сравнению с убытком по учетной стоимости. Мы здесь не останавливаемся на так называемой «повышенной» ответственности и на юридической природе ее, ввиду того что в настоящее время вопрос о «повышенной» имущественной ответственности для военнослужащих утратил практическое значение²⁾.

При данной оценке вины лица, причинившего ущерб (как дисциплинарный проступок, уголовно-наказуемое деяние), отдельные обстоятельства, связанные с понесенным ущербом, не меняют устанавливаемого законом разграничения размеров взыскания при дисциплинарной вине (в ограниченном размере) и уголовной вине (в полном размере, в пределах полного размера ущерба).

Ущерб может заключаться в уменьшении имущества войсковой части (вследствие недостачи, растраты), уменьшении ценности имущества (при порче, повреждении), производстве неправильных (незаконных) расходов, обесценении документов (при пропуске срока исковой давности и др.). Ущерб может быть результатом утраты возможности взыскания сумм по причине непринятия своевременно мер ко взысканию, выплаты сумм войсковой частью в возмещение ущерба, причиненного неправомерными действиями военнослужащего, за

¹⁾ См. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г.

²⁾ См. Приказ МВС СССР 1948 г. № 7 и ст. 6 Инструкции 1948 г. № 24.

которые войсковая часть несет ответственность и т. д. Во всех этих и других случаях, поскольку они относятся к исполнению военнослужащим воинской обязанности, применяются общие, выясненные нами ранее правила имущественной ответственности военнослужащих, в том числе правила определения размеров взыскания и освобождения от имущественной ответственности.

Не исключено, например, что войсковая часть, возместившая на основании ст. 404 ГК ущерб, причиненный автомашиной части, не получит вовсе в порядке регресса возмещения этого ущерба от водителя машины — военнослужащего или получит его в размере ограниченном, ибо основания ответственности войсковой части и военнослужащего в этом случае не совпадают. Войсковая часть перед потерпевшим отвечает по ст. 404 ГК и за случайно причиненный ущерб, военнослужащий перед войсковой частью — только за вину. Если причинение им ущерба результат случая, на военнослужащего не может быть вовсе возложена имущественная ответственность; если им допущено нарушение, квалифицируемое как дисциплинарный проступок, он отвечает в пределах трехмесячного или месячного (солдаты и матросы) оклада содержания.

В полете испортился мотор самолета. Летчик выпрыгнул на парашюте. Самолет упал на строение и разрушил его, причиня ущерб также другому имуществу владельца строения. Войсковая часть возместит последнему ущерб полностью, но с летчика не взыщет выплаченное потерпевшему вознаграждение, если авария произошла не по вине летчика.

Не имеет значения повторность в течение какого-либо срока причинения ущерба действием (бездействием), квалифицируемым в каждом случае как дисциплинарное нарушение.

Повторность как систематичность нарушения обязанностей службы, сопряженная каждый раз с ущербом для государственного имущества, может послужить основанием в соответствии с конкретными обстоятельствами и нормами Уголовного кодекса для привлечения виновного в повторном причинении ущерба к уголовной ответственности. Если уголовным судом в инкриминируемых нарушениях будут установлены признаки уголовно-наказуемого деяния, наступит имущественная ответственность, не ограничиваемая размерами трехмесячного (или месячного) оклада. Ответственность в полном размере ущерба наступит не по признаку повторности нарушения, а ввиду обусловленности ущерба деянием, содержащим признаки уголовно-наказуемого.

Сама по себе повторность ущерба, если она не повлияла на квалификацию нарушения обязанностей, не отразится на размере возмещаемого ущерба.

Другое решение было бы отступлением от целесообразных и обоснованных принципов дифференцированного взыскания, подлежащего возмещению ущерба, а в отношении действующего права явилось бы прямым нарушением его.

Не следует смешивать с ответственностью за ущерб, причиненный неисполнением (нарушением) служебных обязанностей, обязательства военнослужащего, возникающие из других оснований, в частности из неосновательного обогащения, как, например, обязательства, возникающие вследствие получения излишних сумм, и др.

Обязанность обогатившегося за счет другого без достаточного установленного законом или договором основания возратить неосновательно полученное (ст. 399 ГК) безусловна и не находится ни в связи с виной обогатившегося, ни в связи со степенью его вины.

Изъятия в этом отношении, т. е. освобождение от обязанности вернуть полученное без достаточного основания, возможны, если они специально оговорены нормативным актом. Таковы, например, изъятия, вытекающие из протокольного постановления СНК СССР от 26 августа 1929 г.¹, согласно которому суммы, излишне добровольно выплаченные рабочим и служащим, могут быть взысканы с них только в ограниченных постановлением случаях.

ГЛАВА VI

Порядок взыскания убытка с военнослужащего

Правила в части *порядка* взыскания с военнослужащего сумм в возмещение понесенного войсковой частью убытка крайне скудны и неопределенны, несмотря на то, что с порядком взыскания прямым образом связаны размеры взыскания.

Вследствие этого излагаемые ниже соображения и предложения по необходимости опираются не столько на положительное право, сколько на общие, принципиальные предположения в сочетании с решениями, намечаемыми, как нам кажется, отдельными нормами.

I

Действующее нормирование предусматривает два метода осуществления войсковой частью своего права на взыскание убытка с военнослужащего — административный и судебный.

Это не параллельные методы. Каждый из них представляет самостоятельный способ защиты права войсковой части на возмещение ущерба.

Регламентируются основные линии применения каждого из них.

Взыскание производится административным распоряжением командира части, когда проступок военнослужащего, результатом которого явился ущерб имуществу войсковой части, не влечет за собой привлечения виновного к уголовной ответственности и в судебном порядке при наличии в его действиях (бездействии), имевших последствием ущерб, признаков уголовно-наказуемого деяния.

Типичный способ защиты правомочия в гражданском правоотношении (таковым является правомочие войсковой части на взыскание убытка с военнослужащего) — это гражданский иск, предъявляемый в суде самостоятельно (в гражданском процессе) или в уголовном деле, но гражданский иск не исключает административно-правового пути защиты гражданского права.

Так, в жилищных правоотношениях имеет место административное выселение; в трудовом правоотношении — вычет нанимателем своей властью суммы возмещаемого убытка из заработной платы работника (ст. 83-2 КЗОТ, Постановление Наркомтруда СССР от 1 июня 1932 г. и др.).

Исковые требования в суде предъявляются и реализуются по общим процессуальным нормам ГПК и в соответствующих случаях УПК, поэтому нет надобности воспроизводить их здесь, кроме отдельных положений, отмечающих какие-либо особые черты в данной связи отношений (что будет сделано в своем месте).

Наша задача — выяснить и уточнить административный порядок взыскания с военнослужащего понесенного войсковой частью ущерба.

Административная защита гражданских прав — не типичная форма защиты гражданского правомочия, поэтому она не может не быть в большей или меньшей степени индивидуализированной (как исключение) и приспособленной к характеру конкретного правоотношения.

Административным актом защиты рассматриваемого гражданского правомочия войсковой части является письменное распоряжение командира части об удержании из денежного довольствия военнослужащего, виновного в причинении вреда действием, не повлекшим предания суду, суммы убытка в пределах трехмесячного или месячного (с солдат и матросов) оклада его.

Это распоряжение — акт административной, а не дисциплинарной власти, так как (это выяснено ранее) самое взыскание сумм не мера наказания (дисциплинарного), а гражданско-правовое возмещение убытка. Инструкция 1948 г. № 24 регулирует именно административный порядок взыскания материального ущерба с военнослужащих.

¹ См. сборник «Действующее законодательство о труде», 1941 г., стр. 115.

В отличие от дисциплинарного взыскания, мера которого определяется по усмотрению начальника соответственно оценке им проступка подчиненного (ст. 60 ДУ), взыскание ущерба, как и размер взыскания в административном порядке, не предоставляется усмотрению командира части, который обязан произвести соответствующее удержание (разумеется, при наличии предусмотренных законом условий — см. п. 3) и притом в размере действительного ущерба, но не свыше, чем в пределах своей административной компетенции.

Если виновный в причинении имущественного ущерба военнослужащий предан суду военного трибунала, вопрос о вине и степени вины привлеченного к уголовной ответственности военнослужащего разрешается военным трибуналом.

До вынесения обвинительного приговора нет признанной вины привлеченного к суду. Вместе с тем по смыслу Дисциплинарного устава (ст. 18 и косвенно ст. 62) военнослужащий не привлекается к дисциплинарной ответственности, если совершенный им проступок влечет предание суду.

Следовательно, в этом последнем случае впредь до вынесения обвинительного приговора отсутствует одно из условий (признание вины), необходимых для возложения имущественной ответственности на причинившего вред военнослужащего.

Прокуратура может отказать в возбуждении уголовного преследования по основаниям ст. 204 УПК РСФСР. Военный трибунал может вынести оправдательный приговор или прекратить дело по ст. 6 УК либо примечанию 2 к ст. 112 УК. Соответственно, если приписываемые привлеченному к уголовной ответственности (обвиняемому) действия не содержат состава наказуемого деяния (или не подтверждено, что само действие имело место), отпадает вовсе материальная его ответственность за ущерб; если признано, что эти действия представляют дисциплинарный проступок, взыскание может быть произведено командиром части, согласно предоставляемому ему административному правомочию на удержание (в пределах трехмесячного или месячного оклада).

Самостоятельность обоих способов охраны права на компенсацию убытка не допускает одновременного пользования тем и другим. Например, при возбуждении уголовного преследования, если сумма ущерба, причиненного инкриминируемым деянием, превышает трехмесячный или месячный (для солдат и матросов) оклад содержания военнослужащего, командир части не может произвести удержания в административном порядке в размере, ограниченном ст. 1 Инструкции 1948 г. № 24, со взысканием остальной части путем предъявления гражданского иска в уголовном деле.

В таком случае удержание административным распоряжением не может быть произведено ни в какой части, так

как административная компетенция командира ограничена правом взыскания имущественного ущерба при *установленной* вине подчиненного.

Допустимо отклонение от этого положения, когда военнослужащий, подвергнутый дисциплинарному взысканию за противозаконные, повлекшие ущерб действия, подлежащие наказанию по приговору суда, был в *последующем* привлечен к уголовной ответственности (ст. 20 ДУ); тогда сохраняется силу административное распоряжение об удержании сумм в возмещение причиненного этими действиями вреда, поскольку распоряжение это основывается на неотменяемом дисциплинарном взыскании, и в судебном порядке довыскивается убыток, не погашенный удержанием в порядке административного распоряжения.

II

Принятие решения о привлечении военнослужащего к судебной ответственности предоставлено начальнику, от которого по закону зависит передача материалов военно-следственным органам (ст. 19 ДУ).

Очевидно, что выбор решения возможен по отношению к действиям, находящимся на грани уголовного преступления и дисциплинарного проступка, но не к деяниям, носящим характер явно уголовно-наказуемый (например, растрата, хищение) или, наоборот, представляющим незначительный проступок.

Согласно ст. 19 Дисциплинарного устава: «В тех случаях, когда за совершенный проступок военно-уголовным законом предусмотрены различные по степени вины наказания, из которых один налагаются по суду, а другие в дисциплинарном порядке, от начальника зависит, передать ли материалы на виновного военно-следственным органам или ограничиться дисциплинарным взысканием. Решение этого вопроса и определение самой меры дисциплинарного взыскания принадлежит в таком случае тому начальнику, от которого по закону зависит передача материала военно-следственным органам».

Решение вопроса и определение меры взыскания составляют дисциплинарную компетенцию начальника. С точки зрения *порядка* взыскания ущерба существенно *фактически* принято начальником решение. За ним автоматически следует порядок взыскания: административный или судебный.

Тем самым решением начальника определяется рамки взыскания в возмещение убытка: в размере ограниченном, когда не возбуждено уголовное преследование, либо полным — в пределах полного размера ущерба — при привлечении виновного к уголовной ответственности.

Подчеркиваем эту сторону значения решения — значения правильной оценки начальником степени вины военнослужащего для гражданско-правовых последствий, возникающих в связи с причиненным военнослужащим вредом.

С этим автоматизмом целесообразно сочетается удержание сумм убытка на основании административного распоряжения командира части при дисциплинарной вине причинившего ущерб.

Нормативным актом фиксируется принцип имущественной ответственности (возмещение ущерба) и пределы его (трехмесячный, месячный оклад содержания).

Обращение в суд было бы здесь излишним осложнением, не могущим ни изменить, ни корректировать административный акт, так как предпосылка его — признание действия, повлекшего ущерб проступком, не влекущим за собой предания суду, — не подлежит проверке и контролю суда (в отличие от дисциплинарного взыскания и вычета из суммы заработной платы в покрытие убытка по законодательству о труде рабочих и служащих).

Осложняется порядок взыскания убытка при презюмируемой вине военнослужащего в том единственном случае, составляющем исключение из общего правила, когда вина в причинении ущерба предполагается, пока она не опровергнута материально-ответственным лицом. Это имеет место при недостатке.

Следуя общим принципам и правилам, надо признать, что при недостатке в размере до трехмесячного и месячного (для солдат и матросов) содержания военнослужащего удержание производится административным распоряжением командира части, независимо от установления вины материально-ответственного лица (вина презюмируется). При недостатке, превышающей указанные размеры, взыскание должно быть произведено в судебном порядке, хотя бы по делу не возбуждено было уголовное преследование или не была бы установлена уголовная вина, так как ни один акт не предоставляет командиру части права удержания свыше этих размеров на основании административного его распоряжения.

Иное решение привело бы к тому, что ущерб от недостачи товарно-материальных ценностей, превышающий трехмесячный (или месячный — соответственно) оклад материально-ответственного военнослужащего, оставался бы при отсутствии оснований для привлечения его к уголовной ответственности вовсе не возмещенным.

Заслуживает особо быть отмеченным вопрос о взыскании в порядке регресса сумм, выплаченных войсковой частью третьим лицам в порядке статей 403 или 404 ГК РСФСР в возмещение ущерба, причиненного военнослужащим.

Здесь сталкиваются два начала: презумпция вины войсковой части, характерная для ответственности по ГК, с требованием доказательства вины военнослужащего (ввиду отсутствия этой презумпции в случае материальной ответственности военнослужащего перед войсковой частью).

Надо считать, что каждое из этих начал сохраняет самостоятельное свое значение, не нейтрализуя одно другое. Вина военнослужащего должна быть установлена на общих основаниях также при имущественной ответственности его в порядке регресса с вытекающими последствиями для размеров взыскания, в зависимости от характера вины — дисциплинарной или уголовной.

III

Приказ командира войсковой части (начальника учреждения) или вышестоящего начальника об удержании из содержания военнослужащего сумм в возмещение ущерба есть акт административной, а не дисциплинарной компетенции.

В отличие от дисциплинарных прав начальников и порядка наложения дисциплинарного взыскания возмещение ущерба путем распоряжения об удержании соответствующих сумм из денежного довольствия виновного лица предоставляется только командиру войсковой части (начальнику учреждения) или вышестоящему начальнику. Равным образом отличается порядок обжалования удержания по сравнению с изложенным в гл. 15 Дисциплинарного устава.

Приказ об удержании может быть издан не позднее месячного срока со дня обнаружения ущерба на основании данных административного расследования о лицах, виновных в причинении ущерба (ст. 3 Инструкции 1948 г. № 24).

Приказ этот может быть издан, если неправильные действия (бездействие) виновных лиц не повлекли предания суду военного трибунала (ст. 1 Инструкции) и взыскание производится в размере действительного ущерба, но не свыше трехмесячного, а с солдат и матросов — месячного оклада содержания. Так как имущественная ответственность военнослужащего обусловлена его виной, а размеры взыскания — размерами понесенного войсковой частью ущерба, то обжалование удержания в административном порядке может относиться к отрицанию наличия ущерба, оспариванию вины, а также к численному размерам убытка или к превышению ограниченных пределов взыскания в административном порядке.

Приказ об удержании может быть обжалован в определенный срок — 7 дней со дня объявления приказа — начальнику командира войсковой части (начальнику учреждения)

или вышестоящего начальника, по распоряжению которого производится удержание.

Признание начальником, рассматривающим жалобу, необоснованности возложения на военнослужащего вины за ущерб устраняет материальную ответственность военнослужащего за этот ущерб.

Снятие в порядке п. «б» ст. 73 или п. «б» ст. 81 ДУ дисциплинарного взыскания, наложенного за действие (бездействие), повлекшее ущерб, не освобождает от материальной ответственности, так как в этом случае имеет место освобождение от взыскания, но остается в силе признание вины.

Так же и при судебной ответственности. Последующая судьба неотмененного обвинительного приговора не имеет влияния на удовлетворенный гражданский иск (в уголовном деле или вытекающий из уголовного дела).

Освобождение от наказания по амнистии или приостановление исполнения приговора с направлением военнослужащего в Действующую армию (в военное время) не влияет на приговор (решение) в части гражданского иска, а также на размер удовлетворенного иска.

Переквалификация деяния с уголовно-наказуемого на дисциплинарное требует соответствующего пересмотра размера взыскания (мы полагаем, что изменение размера удовлетворенного иска должно последовать и за переквалификацией деяния в связи с исключением признаков корысти из инкриминируемого военнослужащему деяния).

IV

Распоряжение об удержании может быть сделано не позже месяца со дня обнаружения ущерба.

Каковы же последствия, если распоряжение это в указанный срок не сделано?

Очевидно, что приказ об удержании, отданный после этого срока, не имеет законной силы, но с пропуском срока для дачи приказа прекращается ли обязательство по возмещению ущерба или только право на принудительное взыскание его или же изменяется лишь порядок взыскания (вместо удержания по приказу — взыскание в судебном, исковом порядке)?

На первый взгляд напрашивается вывод: при пропуске указанного срока взыскание не производится, и виновное в ущербе лицо освобождается от возмещения его.

Однако такой вывод был бы успешным и неправильным. Здесь не применима аналогия с дисциплинарным взысканием, наказанием, теряющим силу воздействия, когда оно не

следует непосредственно или близко ко времени совершения проступка.

Целью обязательства в гражданском правоотношении в связи с причиненным ущербом является возмещение ущерба. Отказ от этой цели, связанный в данном случае с охраной социалистической собственности, мог бы иметь место лишь с санкции закона. Такой санкции нет. Нераспорядительность начальника не служит основанием прекращения обязательства (ст. 129 ГК РСФСР).

Прекращение права на принудительное взыскание ущерба могло бы придать месячному сроку значение срока исковой давности. Между тем, закон такого специального давностного срока не устанавливает, а ведомственным актом он не может быть установлен.

К тому же и ведомственные правила Министерства Вооруженных Сил СССР (и ранее НКО СССР и НКВМФ СССР) о списании в расход (убыток) материальных и денежных ценностей не предусматривают списания сумм убытка, причиненного военнослужащим, относительно удержания которого не последовало в срок распоряжение командира части.

Следует считать, что пропуск командиром части месячного срока для издания приказа об удержании убытка лишает возможности произвести удержание соответствующих сумм в административном порядке, но это не лишает войсковую часть права на взыскание их в общеустановленном судебном порядке — путем предъявления иска в суде. Такое решение, обоснованное формально, правильно, представляется нам, по существу. Другое решение было бы чревато ущербом для государственной собственности; вместе с тем оно требует некоторого дополнения. Мы имеем в виду установленное сокращенного срока давности для предъявления иска в суде, что ускорило бы взыскание, с одной стороны, и устранило бы неопределенность и неустойчивость перспектив в имущественном положении военнослужащего, неизбежные при сохранении длительного общесоюзного, трехлетнего срока давности. Целесообразно было бы установление сокращенного трехмесячного срока давности, аналогично установленному по искам из трудового правоотношения рабочих и служащих.

Непредъявление иска войсковой частью в течение специального (сокращенного) давностного срока перекладало бы материальную ответственность за ущерб на лиц, виновных в пропуске срока давности.

V

Обратимся к выяснению некоторых недостаточно ясных сторон вопроса о судебном порядке взыскания ущерба.

Статья 1 Инструкции 1948 г. № 24 предусматривает взыскание ущерба в административном порядке в определенных данной статьей пределах, если неправильные действия (бездействие) военнослужащего, обуславливающие ущерб, «не повлекли за собой предания суду военного трибунала» (курсив наш. — А. Д.).

Отсюда непосредственно следует, что в случаях привлечения виновных к уголовной ответственности за соответствующие действия (бездействие) взыскание производится в судебном (исковом) порядке, в размере, не ограничиваемом нормами ст. 1 Инструкции.

Так как при этом ст. 1 Инструкции не дает перечня случаев ущерба и не указывает характера ущерба, возмещение которого производится в административном порядке, то надо понимать, что нет такого перечня и при уголовной вине лица, когда производится судебное взыскание убытка.

Между тем ст. 6 Инструкции указывает на взыскание ущерба в полном размере в судебном (исковом) порядке «в случае приращения к уголовной ответственности лиц, виновных в хищении или недостатке продовольственных и промышленных товаров» и не обобщает ни в этой, ни в другой статье случаев материальной ответственности за убытки, возникшие в результате уголовно-наказуемого деяния, помимо хищения или недостачи. Значит ли это, что данная Инструкция отказывается от взыскания вообще и в полном размере в частности убытка, причиненного уголовно-наказуемым деянием, если это деяние не хищение или недостача?

Ошибочность такого предположения очевидна.

По существу ст. 6 Инструкции не фиксирует какого-либо общего положения о порядке судебного возмещения ущерба. Статья 6 воспроизводит лишь правило о *размере* взыскания в случае хищения и недостачи.

Следует считать, что *всякий* ущерб, причиненный военнослужащим войсковой части уголовно-наказуемым действием (бездействием), влечет за собой имущественную ответственность виновного лица в судебном порядке, притом в размере, не лимитируемом нормами ст. 1 Инструкции.

Другой вопрос: подразумевает ли судебный (исковой) порядок взыскания ущерба гражданский иск в уголовном деле или также самостоятельный гражданский иск?

Статья 6 Инструкции отсылает к судебному (исковому) порядку взыскания при уголовной ответственности за хищение и недостачу.

Мы выяснили, что этот порядок должен быть применен и при ином причинении вреда уголовно-наказуемым деянием.

Значит ли это, что гражданский иск может быть только в деле, связанном с уголовной ответственностью?

Мы полагаем, что исковое требование войсковой части о возмещении военнослужащим ущерба может быть предметом самостоятельного рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства.

Практика и разрешают гражданские иски в народных войсковых частях предъявляя гражданские иски в народных судах и народные суды рассматривают их, если соответствующие взыскания не должны быть осуществлены в административном порядке.

VI

Особого рода затруднение возникает в порядке реализации прав требования, вытекающих из причинения убытка военнослужащим гражданской организации, куда военнослужащий направлен для несения воинской обязанности.

По соображениям, ранее обоснованным (гл. IV), мы считаем, что во всех этих отношениях должны применяться правила Инструкции 1948 г. № 24. Точно так же за гражданскими организациями должно быть сохранено право на предъявление самостоятельного гражданского иска в народном суде, когда такое право имеют войсковые части.

VII

Взыскание сумм в возмещение ущерба в пределах предоставленной командиру части компетенции (до трехмесячного и месячного оклада) производится путем удержания из денежного содержания военнослужащего.

Основанием для такого удержания служит приказ командира войсковой части или вышестоящего начальника. Источником удержания является получаемое денежное довольствие военнослужащего.

Предельный размер ежемесячных удержаний — это 25% полного оклада содержания.

При одновременном удержании (помимо удержания в покрытие ущерба войсковой части) также на содержание членов семьи (алименты) и по другим законным основаниям общий размер ежемесячных удержаний не может превысить 50% оклада содержания. Уплата алиментов при этом производится в первую очередь.

Взыскание сумм убытка, присужденных судом, подчиняется общим правилам исполнения судебного решения. Оно производится на основании выданного судом исполнительного листа.

В возмещение ущерба от хищения, растрат и другого присвоения имущества войсковой части удержания по исполнительному листу могут производиться, согласно общей

норме ст. 289 ГПК РСФСР, в размере до 50% оклада содержания.

Следует признать возможным взыскание ущерба по судебному решению (но не на основании административного распоряжения) не только из денежного довольствия военнослужащего, но и из его имущества, на которое по закону может быть обращено взыскание.

Такое взыскание, как правило, нецелесообразно и редко используется ввиду значительных материальных затруднений, которые возникали бы для трудящегося. Однако это право взыскания следует иметь в виду при возмещении ущерба, которое не может быть реализовано (полностью или частично) иным путем, например когда ответчик демобилизован или уволен из армии и взыскание не может быть осуществлено в порядке ежемесячных удержаний.

Исполнение судебного решения — цель иска. Не следует лишать средств достижения этой цели гибкости с учетом допустимых эффективных мер восстановления утраченной государственной собственности.
